

Викторија Балашова

Дочь
увийцы

Виктория Балашова

Дочь убийцы

Серия «История Англии в романах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70111267

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодому испанцу Фредерико, помогающему совсем юной Елизавете, приходится многим жертвовать из-за своей преданности будущей королеве. Самое главное – жертвовать своей любовью к фрейлине французской королевы, красоте Матильде. Как будут развиваться отношения Фредерико и Матильды? Насколько тернист окажется путь Бэт к трону? И что за таинственный враг будет постоянно вставлять им палки в колеса?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАТЬ	4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТЕЦ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Виктория Балашова

Дочь убийцы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАТЬ

*История Англии не знает подобного случая!
Ну, конечно, не знает! Ведь в Англии никогда
не было сразу двух королев!
Льюис Кэрролл*

Глава 1. Май, 1533 год

1

«Семьдесят дюймов¹, не меньше», – пронеслось в голове у Фредерико, когда он увидел короля. Скорее он почувствовал изумление и даже восхищение, чем страх.

– Ваше величество, – испанец отвесил низкий поклон, чуть не коснувшись головой пола, – не смея даже надеяться на вашу милость, прошу выслушать мою просьбу.

Генрих усмехнулся. Перед ним стоял восемнадцатилет-

¹ Семьдесят дюймов – примерно сто восемьдесят сантиметров

ний юноша невысокого роста, крепкого телосложения. На голове у него красовалась копна черных, вьющихся волос, зубы поражали своей белизной, темно-карие глаза сверкали из-под густых, черных ресниц. Фредерико являлся одним из слуг королевы Екатерины Арагонской, с которой Генрих тщетно пытался развестись уже не первый год.

– Говори.

Фредерико посчитал первую часть задачи выполненной. Он вздохнул, сделался еще более печальным, чем ранее, и жалостливо проямлил:

– Матушка, что осталась одна в Испании, приболела. Ни-жайше прошу отпустить домой.

– Что ж твоя госпожа? Почему ты решил обратиться ко мне? – Генрих засунул пальцы за ремень и с неприязнью посмотрел на просителя.

– Она не отпускает. У ее величества осталось не так много слуг. Наверное, вам это известно, – Фредерико понял, что сморозил глупость, но смело продолжал. – Мне необходимо уехать. Матушка долго не протянет. Я хотел бы застать ее в живых.

Громкий хохот раздался под сводами огромной комнаты.

– Шутник! – прогоготал король во всю глотку. – Шутник! Отпустить слугу моей, слава богу, почти уже бывшей супруги на ее родину? – Генрих помолчал, неожиданно став серьезным. – Что ж, поезжай. Здоровье матушки превыше всего.

Фредерико вышел, не веря в свою удачу. Что-то во всем этом ему не нравилось, и не нравилось сильно. Он никак не мог ухватить мысль, которая вертелась в голове, но упорно не желала сдернуть с себя маску. Мысль оставалась таинственной незнакомкой, чей смех ужасно напоминал хохот короля...

Лошадь неслась во весь опор. Фредерико вжался в седло, изо всех сил стараясь внушить животине свое бешеное желание поспеть к Ла-Маншу² засветло. Путь был выбран неблизкий, а поручение королевы, которая вот-вот должна была стать бывшей королевой, надлежало выполнить срочно. Поэтому Фредерико не останавливался в пути, пока не достиг Дувра. Темная вода плескалась о берег. Лошадь перебирала копытами, все еще не веря в то, что ее не заставляют скакать дальше. Фредерико на полусогнутых ногах подошел к ближайшему кораблю. Это был небольшой одномачтовый парусник, слегка покачивавшийся на волнах.

– Эй, дружище, – постарался сказать молодой человек как можно увереннее, обращаясь к бородатому, крепкому мужчине, безразлично покуривавшему трубку, – не отвезешь ли

² Считается, что название Ла-Манш появилось примерно в 17 веке, но автор употребляет его для обозначения Английского (Британского) канала, как более устоявшееся и привычное в русском языке

на тот берег?

– Во Францию? – уточнил, не вынимая трубку изо рта, хозяин корабля. Будто существовала возможность идти куда-то еще.

– Точно! – стараясь не показать раздражения, ответил Фредерико. – В нее самую.

– Так ночь скоро. Темно.

– Но ты же моряк, – не унимался испанец, – знаешь путь как свои пять пальцев. С закрытыми глазами довезешь.

Мужчина вынул трубку и сплюнул:

– Дороговато будет.

– Не вопрос, – Фредерико похлопал по толстому кошелью, висевшему на поясе.

Всю дорогу до Кале он проспал, несмотря на шум волн и крики матросов, сновавших по кораблю. Во Франции его высадили на берег, отняв кошель с деньгами, которыми его снабдила королева. Хозяин корабля вытряхнул все вещи на палубу, кинув ему вслед пустой мешок. Через мгновение рядом приземлилась шпага.

– Я же говорил, будет дорого, – рассмеялся он и приказал матросам немедленно пускаться в обратный путь. Впрочем, Фредерико понимал, что ловить разбойников все равно никто не будет: жители Кале сновали туда-сюда, не обращая ни малейшего внимания на случившееся на их глазах происшествие.

До Испании было далеко. Письмо от Екатерины к своему

племяннику Карлу Пятому с мольбой о помощи, и подаренная отцом шпага – это все, что осталось у Фредерико ценного. Он медленно побрел в город в поисках временного пристанища.

Вслед за ним незаметной тенью последовал закутанный в плащ человек. В отличие от испанца у него осталась не только шпага: кинжал, спрятанный под плащом, приятно холодил кожу, тяжелый кошель оттягивал пояс. Письмо у него тоже было. Да вот только верительные грамоты от Генриха явно выглядели более солидно, чем секретное послание его почти уже бывшей жены.

– Хм, – Джон скривил тонкие губы, словно съел что-то кислое, – посмотрим, мой юный друг, как ты теперь будешь добираться до Испании. Осталось лишь пересечь Францию. Всего ничего.

Он обернулся. Хозяин корабля, не успевшего отойти далеко от берега, махнул ему рукой. Джон еле заметно кивнул и пошел дальше. Фигура Фредерико маячила впереди.

2

Бэт помнила все так отчетливо, будто не в утробе матери находилась, а присутствовала при всех событиях. Живым, полноценным человеком присутствовала: видела, слышала, и главное, понимала. Кто-то скажет, она наслушалась историй. Ей просто подробно рассказывали о случившемся, и эти

рассказы стали частью ее жизни. Но Елизавета была уверена – она наблюдала за всем сама, лично. В ней жили будущее, настоящее и прошлое, яркие картинки, всплывающие в памяти, возникающие перед глазами, создаваемые воображением...

– Брак аннулирован! – Всего два слова, а Генрих готов был вскочить со стула и скакать по огромному залу, как мальчишка.

– Папа недоволен, но вы можете поехать в Рим и покаяться, – продолжал вещать сэр Томас.

– Вот уж нет! – взревел король. – Просить прощения у этого напыщенного индюка! – громкий голос Генриха эхом прокатился по комнате.

– Портить отношения с Римом было бы сейчас неуместно. Можно отправить туда посольство. Не обязательно вашему величеству ехать лично...

– Наплевать на Рим! – голос продолжать реветь, напоминая звук волн, обрушивающихся на скалистый берег моря. – Я просил у них разрешения на развод – я унижался достаточно. Теперь пусть там себе кусают локти! – Генрих стоял, широко расставив ноги, высоко задрал подбородок и глядя на присутствующих как на мелких червей, вещающих сушью околесицу откуда-то снизу, чуть не из-под земли.

– Э-э, м-м-м, – донеслось до короля неразборчивое бормотание одного из подданных, – папа готов простить ваше величество. Извиниться перед папой...

– Пошел он к черту или к дьяволу. Пусть сам выберет. Он всегда был не прочь помочь французским королям в их любовных приключениях. А тут ничего не делал и готов простить. Мне плевать на прощение человека, который теперь для Англии ничего не значит. Да, впрочем, и не значил никогда. Принятые нами решения лишь восстановили справедливость. Не так ли, ваше преосвященство? – обратился Генрих насмешливо к архиепископу Кентерберийскому.

Вот чего ей не хватало потом, когда он умер, – его голоса. Раскатистого, громкого голоса, раздававшегося под сводами дворца. Все боялись его, а Елизавета – нет. Напротив, едва услышав знакомые интонации, она бежала в том направлении, откуда они доносились, и без всякого страха бросалась к отцу.

– Ваше величество, – учтиво склонил голову Томас Кранмер, – вы, как всегда, правы. Законы, существовавшие в Ан-

глии издревле, никому не годится нарушать. Ни папе римскому, ни вашим доблестным вассалам. Никто не имеет оснований поставить ваши решения под сомнение.

Генрих перебил и архиепископа тоже. Все разговоры, касающиеся развода с Екатериной, так или иначе повторявшиеся не то что в последние месяцы, а в последние несколько лет, страшно надоели королю. Все это время он только и слышал: Рим, Ватикан, разрешение папы. А упрямая жена лишь подливала масла в огонь, отправляя гонцов к своему племяннику Карлу Пятому в Испанию, что тоже не способствовало быстрейшему разрешению запутанной ситуации.

– Итак, ваше преосвященство, вы поработали на славу. Интересно, как прошел суд. Голосовал ли кто-то против? – Генрих скрестил руки на груди и окинул взглядом тщедушного архиепископа. Впрочем, рядом с высоким королем практически любой человек выглядел не очень солидно.

– Да, – ответ прозвучал неожиданно, – епископ Рочестерский стоит на своем. Он с самого начала не поддерживал проводимые вашим величеством реформы церкви.

– Ну что ж, это не имеет теперь никакого значения. Слава Господу, мой сын родится в законном браке с женщиной, которую я люблю. Екатерина всегда останется почитаемой всем моим сердцем сестрой, – последние слова Генрих произнес с нескрываемым сарказмом. – Наконец она займет то место, которое ей полагалось занимать с самого начала. Надо срочно сообщить счастливые новости Анне, законной коро-

леве Англии!

Генрих потрепал рыжую бороду и расхохотался. Присутствующие вздрогнули. И хохот, и гнев короля одинаково ввергали его окружение в состояние безумного страха. Самым безопасным было вообще не встречаться с королем. Но подобное мог позволить себе только простой англичанин, далекий от дворцовых интриг и перипетий.

– Подготовим турнир! – провозгласил Генрих. – Турнир в честь прекрасной королевы, моей жены Анны из рода Болейн. Она носит под сердцем нашего сына, наследника престола. Необходимо, чтобы он уже сейчас чувствовал, как заботится о нем отец, как он ждет его появления на свет.

– Прекрасная идея... Турнир ... Чудесно... – послышались тихие голоса приближенных, которые постарались побыстрее выкинуть из головы мысли о Риме и недовольном папе. В конце концов, где папа, а где Генрих. Из двух зол выбирают наименьшее, но в данном случае приходилось поступать с точностью до наоборот. Особенно учитывая новый закон, запрещающий выносить сор из избы, или выражаясь на английский лад, вынимать скелет из шкафа. Под страхом смертной казни никто более не имел права отправлять жалобы в Ватикан. Все вопросы должны решаться на острове. Любая попытка переправить петицию через Ла-Манш отныне считалась изменой королю.

– Вот и хорошо! – прогремел Генрих и на том закончил аудиенцию.

«Интересно, а чувствовала ли мама в то время себя счастливой», – думала Бэт. Провести четыре месяца в двусмысленном положении «второй» королевы, тайно обвенчанной с Генрихом, непросто. Да еще она была беременна. Все знахарки и гадалки свято уверяли короля, что родится мальчик. И только Богу была до поры до времени известна правда...

Несмотря на внешнее спокойствие, Анна нервничала не на шутку. Тайный брак с Генрихом не сильно упрочил ее положение при дворе. И если придворные пытались показывать ей свое совершенно неискреннее расположение, то народ откровенно симпатизировал опальной Екатерине. Та стойко держала оборону, упорно отказываясь смириться с очевидным и, например, тихо-мирно уйти в монастырь.

Анна посмотрела в сторону только что закрывшейся двери. Старшая сестра раздражала даже, пожалуй, больше чем Екатерина. Бывшая любовница Генриха, Мария, утверждала, что оба ее ребенка рождены от короля. Анна только собиралась открыть счет. Все еще впереди. Она нарожает Генриху детишек, среди которых будут сплошные мальчики. Так,

по крайней мере, говорили ей гадалки. Почему бы им не поверить?

Дверь в комнату снова распахнулась:

– Дорогая, я принес тебе прекрасные новости! – Генрих подошел к жене и схватил ее в крепкие, медвежьи объятия. – Брак с Екатериной признан недействительным. Кранмер постарался! Недаром мы его назначили архиепископом. Интересы Бога и короля Англии теперь совпадают!

Анна изобразила на лице искреннюю радость. В душе она, как и многие другие, Генриха боялась. Вроде бы она добилась того, чего так хотела, но нависшее над ней лицо мужа не позволяло расслабиться и почивать на лаврах. Важно было родить мальчика. Иначе, подсказывал Анне внутренний голос, все может кончиться для нее куда более плачевно, чем для Екатерины.

– В честь тебя я велел провести турнир, – ворвались слова в сознание Анны. – Сын, которого ты мне готовишься родить, поучаствует в своем первом турнире! – Генрих громко хохотнул и больно ущипнул жену чуть ниже спины. Анна вскрикнула, но сохранила улыбку на лице.

– Через пару недель провозгласим тебя моей законной супругой, и ты будешь коронована. Затем турнир в честь будущего наследника!

Страх, поселившийся в сердце, не давал ей вздохнуть полной грудью. Анна побледнела.

– Тебе плохо? – участливо спросил Генрих.

– Да, – она кивнула, – да, мне нужно присесть.

Анна опустилась на скамейку. В который раз она подумала о том, что казавшаяся когда-то великолепной идея выйти замуж за короля Англии, теперь стала представляться великой ошибкой.

«Ну почему? Почему именно сейчас я не могу наслаждаться своей победой? – спрашивала себя Анна после ухода мужа. – Эти мысли мне отравляют жизнь. И еще Екатерина, так и не согласившаяся с решением суда. Вечная соперница! Ладно сестра с ее непонятно от кого рожденными детьми. Они будут всегда считаться незаконнорожденными. Но Екатерина со своей дочкой! Если, не приведет Господь, и у меня родится дочь, мы будем находиться в равных условиях!»

Тошнота подкатила к горлу. Анна протянула дрожащую руку к серебряной шкатулке с благовониями. Изящная штучка – подарок Генриха. Буквально в ту же минуту шкатулка полетела в другой конец комнаты. Резко запахло травами и эссенциями. Анна разрыдалась.

3

Ему повезло: у постоянного двора Фредерико познакомился с испанским вельможей, который держал путь к французскому двору, в Париж. Молодой граф Родриго де Вилар, также как и его соотечественник, прибыл из Англии, где обучался английскому языку и прочим наукам. Свита графа бы-

ла невелика, и он с удовольствием взял Фредерико к себе в услужение.

– Еду к больной матушке в Испанию, – привычно сказал юноша при знакомстве. Далее он поведал правдивую историю об ограбившем его хозяине корабля и признался, что остался совершенно без средств.

– А зачем же ты едешь в Испанию через Францию? – спросил граф де Вилар.

– Хотелось на мир посмотреть. Да и не люблю я путешествия по морю, – выкрутился Фредерико.

– Хорошо. Останешься со мной до поры до времени. А там посмотрим. Может, и я отправлюсь на родину. В таком случае твоя проблема решится сама собой.

Фредерико не собирался задерживаться во Франции надолго, но решил не спорить с графом, а просто сбежать от него при первом же удобном случае. Главное, добраться до Парижа. А там уж королева обещала ему поддержку и покровительство не кого-нибудь, а самой жены Франциска Первого! Элеонора тоже была испанкой, и Екатерина, отправляя Фредерико в Испанию окружным путем, рассчитывала на помощь дальней родственницы. Тем более, та находилась в похожем положении: Франциск не скрывал своей связи с герцогиней д'Этамп, а бесплодную жену попросту игнорировал.

Но, прибыв в Париж, Фредерико понял, что его путешествие по Франции может затянуться: король, известный сво-

ей любовью к перемене мест, покинул Лувр и двинулся в сторону одного из замков на Луаре. Испанцы последовали вслед за ним. Нагнать Франциска оказалось делом несложным. Бесконечный кортеж, состоявший из нескольких тысяч всадников и повозок с перевозимым из дворца во дворец скарбом, включая тяжеленные кровати и огромные сундуки, растянулся на огромное расстояние. Очень быстро граф и старавшийся не отставать от нового хозяина Фредерико увидели перед собой неспешно скачущих всадников, перебрасывающихся на ходу шутками и остротами.

– Скажите, господа, – обратился к ним де Вилар, – не знаете ли вы, далеко ли до замка, в котором остановился король.

Мужчины натянули поводья, их лошади покрутили головами и фыркнули, потрясая гривами.

– Король? – переспросили они. – Мы сами точно не знаем. В последний раз мы нагнали его у замка Блуа. Он там охотился в течение нескольких дней. Но где остановится двор сейчас, неизвестно.

Так испанцы проехали еще какое-то время, сумев обогнать отставшую часть свиты Франциска и начав получать новости о его передвижениях практически из первых уст. Наконец, возле замка Шамбор они увидели большое количество палаток и королевские флаги, гордо развевавшиеся на ветру. Места в замке для всего двора короля не хватало, и подданные привычно разбили лагерь неподалеку.

Граф де Вилар надеялся все же разместиться на террито-

рии Шамбора. Он нагло велел доложить королю о своем приезде. Весть до Франциска не дошла, но графа, тем не менее, поселили в одной из пристроек замка. Вечером после сытного ужина Фредерико выскользнул на улицу и отправился на поиски королевы.

– Красотка, – обратился он к проходившей мимо девушке, – не подсказешь, где найду ее величество? – Фредерико говорил по-французски с ужасающим акцентом и потрясающим количеством ошибок, но это его не смущало.

– А кто вы такой? – возмутилась молодая особа. – Я одна из фрейлин королевы, и вы смеете вот так запросто обращаться ко мне, да еще и с таким бестактным вопросом.

«Фрейлина королевы! – быстро мелькнуло в голове у испанца. – Повезло, так повезло!»

– Прости великодушно, – сказал он более вежливо вслух, снял шляпу и отвесил такой низкий поклон, что полы шляпы коснулись земли, подняв столб пыли, – у меня послание лично для ее величества королевы Франции от ее величества королевы Англии, – Фредерико посмотрел на фрейлину из-под темных ресниц: девица была страсть как хороша!

Фрейлина фыркнула, но остановилась, чтобы посмотреть на заговорившего с ней мужчину повнимательнее.

– Честь имею, Фредерико Себастьян Луис, – испанец загнулся на секунду, придумывая себе фамилию поблагороднее, и не найдя ничего лучшего, выпалил фамилию графа, – де Вилар! Как твое имя? – Фредерико тщетно пытался

вспомнить, как правильно обращаться к французам «на вы».

– Меня зовут Матильда, – девушка не смогла сдержать улыбку и смущенно потупила взгляд. Имена и фамилия собеседника произвели все-таки на нее должное впечатление.

Фредерико привычно низко поклонился, сделав в воздухе несколько замысловатых махов шляпой.

– Так ты мне поможешь найти французскую королеву?

– Хорошо, – фрейлина вздохнула, – давайте письмо. Я передам ее величеству. Если она соизволит, то примет вас. Ждите меня на этом же месте через час, – и Матильда пошла к входу в замок.

На улице стало совсем темно. Слышались фыркание лошадей, громкие мужские голоса, а иногда и звонкий женский смех: подданные Франциска веселились на славу. Было тепло, лето вступало в свои права. На небе сияли звезды, а огромная луна освещала землю, словно большая вселенская лампада....

Неожиданно Фредерико дернули за рукав:

– Пойдемте. Королева велела провести вас к ней, – Матильда, оглядываясь по сторонам, потащила испанца в сторону неприметной двери, которая, как оказалось, вела к покоям Элеоноры.

В комнате горело всего две свечи, и Фредерико не сразу разглядел французскую королеву. Она поманила его пальцем.

– Подойдите поближе, – велела она по-испански.

Фредерико послушно сделал несколько шагов вперед и преклонил перед королевой колени.

– Вставайте, вставайте! – она раздраженно махнула ему платком. – Пока вы путешествовали по Франции с письмом Екатерины, Генрих добился развода. Екатерина больше не королева Англии, и поддержка Карла ей уже ничем не поможет.

Фредерико растерялся:

– Что же мне делать? Мне велели доставить письмо в Испанию...

– Вы же на самом деле не де Вилар, не так ли? – усмехнулась королева. – Это Матильду вы можете обмануть, но не меня.

– Истинная правда, ваше величество. Вас не обманешь. Но мне необходимо было поговорить с вами. Я остался без средств: деньги, которые мне дала королева, отняли разбойники в Кале. Пришлось наняться в услужение к графу, чье имя я нагло использовал при знакомстве с вашей фрейлиной.

Королева встала и подошла к столику, стоявшему возле кровати. Она открыла шкатулку и вынула оттуда небольшой мешочек.

– Вам этого должно хватить, чтобы добраться до Испании, – протянула она его Фредерико, – выполняйте поручение Екатерины до конца. Мы не знаем, что написано в письме Карлу. Его все-таки следует доставить императору.

– Спасибо! – Фредерико рухнул перед королевой на колени.

Она протянула ему руку для поцелуя:

– Ступайте. И постарайтесь добраться до Испании без приключений...

Попав снова на улицу, испанец услышал громкие звуки рога и топот копыт. Через мгновение площадь перед замком заполнилась всадниками. Запахло потом. Мужчины спрыгивали с взмыленных лошадей на землю.

– Король вернулся с охоты, – раздался над ухом Фредерико голос де Вилара. – Я тебя давно ищу. Уж подумал, ты сбежал. А ты, оказывается, встречаешь тут французского короля. Ничего не скажешь, великолепное зрелище.

Фредерико проследил за взглядом графа и сумел разглядеть в толпе придворных Франциска.

– Чем-то он похож на Генриха, – пробормотал молодой человек, вглядываясь в крупную фигуру французского короля.

– Король, он и во Франции король! – веско заметил де Вилар.

4

Стояла нехарактерная для начала июня жара. Натянутый над жесткими креслами тент не помогал укрыться от лучей палящего солнца. Анна, всегда любившая Гринвич, в тот мо-

мент ненавидела его всей душой. Сидеть предстояло долго – турниры, устраиваемые Генрихом, обычно длились по нескольку часов. Анна обмахивалась веером, улыбалась и пыталась справиться с подкатывавшей тошнотой. Она, как и раньше, чувствовала на себе ненавидящие взгляды. Народ больше не кричал бывшей королеве: «Победы над врагами!», но и не выказывал никакой любви королеве нынешней.

Специально к этому турниру королю изготовили доспех, потрясший присутствовавших своим великолепием. Металл блестел на солнце так, что слепило глаза. Гравировка на доспехе изображала сцены из битв, в которых принимал участие Генрих. За королем на ристалище выехала целая процессия, состоявшая из двадцати восьми рыцарей, принимавших участие в состязании. Зрители громко приветствовали короля. Анне захотелось заткнуть уши и выбежать из шатра.

Раздался бой барабанов и вой труб. Казалось, этот шум не вынести. Он нарастал и сливался в один жуткий гул. Рыцари разделились на две группы. Генрих подъехал к королеве, чтобы поприветствовать свою даму сердца. Анна помахала ему платком.

– Тебе плохо? – прошептала ей в ухо сестра. Локоны Марии неприятно защекотали кожу.

«Будто змея проползла», – подумала Анна, из последних сил сохраняя улыбку на лице.

– Мне хорошо, – она даже не повернулась в сторону сестры, – королеве не может быть плохо, когда муж в ее честь

устраивает турнир.

На ристалище выехали первые два рыцаря. Они помчались друг на друга, и после первой же попытки один из них упал на землю, свергнутый сильнейшим ударом копья противника. Герольды отметили первый успешный удар. Перед публикой предстала следующая пара рыцарей. Толпа продолжала неистовствовать. Им было все равно, кто победит, но сам азарт борьбы возбуждал и заставлял кипеть кровь.

Анна посмотрела на Генриха. Король был также воодушевлен, как и его подданные. Он больше не обращал внимания на свою даму сердца и был полностью поглощен тем, что происходило на ристалище. Рыцарей весьма условно разделили на две противоборствующие группы, однако, зрители сами выбирали себе фаворитов, болея за них от всей души. Генрих блистал в новом доспехе, и явно был счастлив. Анна попыталась унять тревогу, поселившуюся в ее сердце. Безуспешно.

«Отравить бы Екатерину, и дело с концом», – неожиданно подумала она о, казалось бы, навсегда поверженной противнице...

Глава 2. Сентябрь-декабрь, 1533 год

1

Она родилась седьмого сентября в прекрасный солнечный день. Эх, если бы Елизавета тогда могла что-нибудь сказать отцу! Конечно, она обязательно бы ему что-нибудь сказала! Неужели он так в нее не верил? Неужели не понимал, что она будет править страной не хуже того мальчишки, который должен был родиться вместо нее? Жаль, но ее рождение привело к целой цепочке печальных событий и смертей. Елизавета не винила в том отца. Он просто не сразу смог осознать, как ему с ней повезло...

– Проклятье! – От Генриха отшатнулись те, кто стоял поближе, остальные тоже благоразумно попятились назад. – Меня жестоко обманули! – продолжал кричать король.

Он встал со стула, схватил большой серебряный кубок и швырнул им об стену. Остатки вина пролились на пол. Присутствующие вздрогнули – так сильно напомнили им красные капли крови. В тот же момент второй кубок полетел в

противоположный конец комнаты.

– Сына! – проревел король. – Они мне обещали сына!

– Так иногда случается, – посмел промолвить лорд-канцлер и мгновенно пожалел о том, что открыл рот.

– Так случается?! Вместо сына опять дочь! Девять месяцев я готовился к рождению сына, а так случилось, что случайно опять родилась дочь? – Глаза Генриха горели безумным огнем. Он переводил взгляд с одного предмета на другой, с человека на человека, и все понимали, что угроза не миновала.

Король не желал смотреть на новорожденную. Он тяжело дышал, переводя дух после первой вспышки гнева, и оглядывал комнату в поисках тяжелых предметов. Ему по-прежнему хотелось швырнуть чем-нибудь в подданных, посмевших принести ему пренеприятную новость. Французский король умудрился в первом браке получить то, что нужно: трех сыновей. Потом ему тоже везло – жена умерла, выполнив свой долг, и не чинила препятствий для нового брака. Попавшая под руку шкатулка, вся покрытая драгоценными камнями, полетела в сторону двери. Некоторые камешки от удара попадали на пол, рассыпавшись по полу как горох.

– Все, вон! – взревел Генрих, и комната в тот же миг опустела. Ни у кого не было желания противиться воле обезумевшего короля.

Он остался один. Неожиданно установившаяся тишина заставила Генриха выпустить из рук внушительных размеров

фолиант. Книга упала, словно испутив тяжкий вздох. Генрих посмотрел вниз – перед ним лежала Библия. Он перекрестился и аккуратно положил ее обратно на стол. Король потряс головой, посмотрел вокруг и, не увидев возле себя ни одной живой души, устало провел рукой по волосам.

– Надо навестить Анну и все-таки посмотреть на дочь, – решил он, успокоившись. – Королева родит мне еще сыночек. В отличие от Екатерины она молода и вполне сможет порадовать короля наследниками мужского пола.

В ее покои он вошел без стука. Анна лежала на кровати, не совсем успев прийти в себя после родов. Раньше ей казалось, родить ребенка не такая уж и сложная задача. Теперь желание рожать поутихло. Мало того, что она плохо себя чувствовала во время беременности, так еще и потом едва не умерла во время родов.

Анна приподняла голову и увидела рыжую бороду. «Боже мой, это пришел он, – пронеслось в голове, – сейчас начнет спрашивать, почему не сын», – она устало откинулась на подушки.

– Итак, все-таки дочь! – прогремело у нее над ухом. – Вы меня сильно подвели, не правда ли? – Генрих уселся на стул, стоявший возле постели королевы. – Мне стоило таких трудов получить развод, чтобы в итоге моя жена родила не сына. Хм? За такие промахи отправляют на эшафот.

– Генрих, в этом нет моей вины, – Анна попыталась на-

чать оправдываться. Но тут же она решила действовать проверенным способом. – Я люблю тебя и готова родить сыночек. Если Бог не дал сына в первый раз, он дарует его во второй. Я уверена, – она снова приподнялась и приблизила свое лицо к лицу мужа. Он притянул Анну к себе и страстно поцеловал в губы. Ей стало больно, но она терпела. Слишком много сейчас ставилось на карту.

– Что вы здесь все стоите? – обратился Генрих к врачам и многочисленной прислуге, которые столпились в комнате недавно разродившейся от бремени королевы. – Выйдите вон.

Спальня мгновенно опустела. Король быстро начал раздеваться. Анна с ужасом подумала о том, что ее ждет. Через несколько мгновений острая боль пронзила все тело, словно разрезая его острым ножом напополам. Она закричала, но Генрих ни на что не обращал внимания. Анна потеряла сознание и пришла в себя лишь, когда муж уже стоял одетым возле ее постели:

– Хорошо бы второй раз был более удачным, чем первый. Две дочери у меня уже есть. Вам следует сильно постараться, – Генрих внимательно посмотрел на Анну, старательно выдавливавшую из себя довольную улыбку. – Вам очень хорошо удастся сам процесс зачатия. Но вот дальнейшее... – он усмехнулся. – Ваша вина в том или не ваша, меня не интересует. Я жду сына. Иначе ваша дочь будет считаться такой же незаконнорожденной, как и дочь Екатерины.

За Генрихом громко захлопнулась дверь. Анна лежала в постели, не в силах пошевелиться, и смотрела в потолок.

«Убрать с дороги Екатерину не помешает, – вернулась в сознание подлая мыслишка, – сначала Екатерину, а потом и ее дочь».

В спальню снова начали заходить люди. Одна из фрейлин принесла воду и принялась осторожно вытирать истерзанное тело королевы. Вскоре принесли и малышку Бэт. Та тихонько посапывала, накормленная досыта кормилицей. Анна с неприязнью посмотрела на дочь, которую положили возле нее на подушку.

– Ты должна была быть мальчиком, – тихонько пробормотала королева. – Теперь из-за тебя придется мучиться опять.

Бэт спала. Ей было тепло и уютно рядом с матерью, от которой исходила странная смесь запаха молока и крови. Еще Анна пахла мужчиной. И Елизавета знала точно – это запах ее отца.

Анна отвернулась от дочери. Маленький комочек в белоснежном чепце и таком же длинном белоснежном платье беззащитно пристроился рядом с ее головой.

– Ну почему же ты не мальчик, – едва не плача повторила Анна, – я ведь могла бы так тебя любить.

2

Известие о том, что новоявленная английская королева

родила девочку, застало Фредерико в Париже. Франциск в кои-то веки находился в Лувре, а с ним и граф де Вилар со своей немногочисленной свитой. Кочующий с места на место французский король на некоторое время осел в столице. Но Лувр нагонял на Фредерико тоску. Темное средневековое здание с длинными коридорами, тускло освещаемыми факелами, узкие окна, полупустые комнаты не шли ни в какое сравнение с теми дворцами, в которых бывал в Англии испанец. Он упорно не желал вспоминать последние месяцы, проведенные с королевой Екатериной в Энфилде и Ампиале – в замках далеких от совершенства, – и стоял на своём. Конечно то, что строил уже сам Франциск, выглядело намного великолепнее: отдельные замки на Луаре, начавшаяся возводиться пристройка к Лувру, а также перестроенный замок в Фонтенбло впечатляли своим размахом и величием...

Новость принесла Фредерико Матильда, которая при первой же возможности бегала к нему на свидания.

– Английская королева разочаровала Генриха и подарила ему дочь, – запыхавшись от быстрой ходьбы, доложила она ему. – Сегодня утром прибыл гонец из Лондона и принес это радостное известие!

– Отчего же она радостное? – опешил Фредерико, знавший, как сильно желал Генрих получить наследника.

– Она радостная для всех, – улынулась Матильда, – кроме английского короля. Стоило ли разводиться с одной королевой, которая не могла родить ему сына, чтобы жениться

на точно такой же?!

– А для меня вообще существует лишь одна королева – Екатерина, моя госпожа, – нахмурился испанец, – а я все никак не могу выполнить ее поручение и передать письмо испанскому императору.

Матильда покачала головой:

– Опять ты за старое. Это письмо уже не поможет. И потом, если бы хотел, ты давно бы был в Испании. Или французская королева тебе дала недостаточно денег? Еще я бы прочитала письмо. Если оно действительно по-прежнему важное, то надо срочно покинуть графа и скакать к морю.

– Эх, ты права. Прочтем письмо. Но удрать от де Вилара не так просто. Он постоянно держит меня при себе, дает все новые и новые задания, которые может выполнить любой другой человек или попросту сидит и болтает со мной по-французски. Говорит, нам обоим это полезно, потому что мы оба делаем ошибки в языке. Ему, видишь ли, стыдно будет предстать перед Франциском. А французский король не спешит встречаться с графом. Ему не до того: сплошные переезды, охота... Но мы следуем за королем, будто телега, которую тащит против ее воли сильная лошадь.

– Не ворчи! – Матильда ткнула парня в бок. – Лучше неси письмо. Где там ты его прячешь?

– Да вот оно, – Фредерико вынул письмо английской королевы из-за пазухи, – я его постоянно ношу с собой, – он развернул помятый листок бумаги.

Фрейлина заглянула ему через плечо:

– О, ничего не понимаю! На каком языке оно написано?

– На испанском, – гордо ответил Фредерико, любуясь на знакомые с детства слова, – оказывается я соскучился по родной речи, – он начал пробегать взглядом по наспех написанным строчкам.

– Ну что? О чем там? – теребила его Матильда.

– Надо ехать, – заключил испанец, складывая письмо и пряча его на прежнее место, – мою госпожу пытаются отравить. Она считает, что это делают по распоряжению Анны Болейн. Она боится за себя, но больше беспокоится за свою дочь, принцессу Марию. Королева уверена, что Анна не успокоится и после развода. Она просит Карла помочь ей бежать из Англии.

– А теперь, когда Анна родила дочь, а не сына, она может желать их смерти еще сильнее, – прошептала Матильда. Ее большие, карие глаза сделались совсем круглыми от ужаса.

– Я полный идиот, дорогая, – Фредерико поправил шляпу и крепко сжал шпагу побелевшими от напряжения пальцами. – Пока я тут развлекаюсь с де Виларом при дворе французского короля, там в Англии страдает королева. Настоящая королева, а не сместившая ее с законного трона ведьма. Я выезжаю сегодня же ночью. И да простит меня благородный граф! – он страстно поцеловал Матильду в губы. – Обещай только ждать меня. Я обязательно вернусь, и мы поженимся.

– Я поеду с тобой! – воскликнула Матильда.

– Нет, ты останешься здесь. Мой путь будет полон опасностей. Да и один я доберусь до Испании гораздо быстрее.

3

Торжество, устроенное в честь крещения Елизаветы, поразило многих. Генрих не мог и мысли допустить о том, что его враги, расположившиеся по всей Европе за Ла-Маншем, смогут злорадно потирать руки, узнав, как он расстроен из-за рождения дочери. Э, нет! Он устроит такой праздник, какой и не снился всем этим Францискам и Карлам!

День крестин Генрих объявил праздничным днем, велел звонить в колокола и читать благодарственные молитвы. На вечер в Гринвиче планировался бал, а с утра малышку Бэт взяла на руки герцогиня Норфолкская и отправилась во главе длинной процессии из дворца в церковь.

Конечно, Елизавете хотелось зареветь. Вокруг было столько народу, все шумели, выкрикивая слова приветствия, и гул стоял невыносимый. Пожилая герцогиня с трудом удерживала в дрожащих старческих руках малютку, и Бэт просто-напросто боялась, что она ее в итоге уронит на землю.

Но принцесса молчала. Она даже уснула на время, представив остальным любоваться на украшенный в честь ее рождения город.

Спящую малышку опустили в серебряную купель, она открыла глаза и расплакалась. А окружающие с умилением смотрели на нее и улыбались: все младенцы ведут себя во время крестин одинаково, будь то мальчик или девочка, будь то ребенок простолюдина или принцесса. Впрочем, через мгновение Елизавету вытерли и облачили в красное платье, отороченное белым кружевом и украшенное жемчугом. В Гринвическом дворце принцессу уже ждала кормилица.

Анна, едва оправившись после тяжелых и мучительных родов, восседала на троне. Платье из парчи и бархата, усыпанное драгоценностями, и сшитое специально к этому дню, не радовало королеву: в нем ей было жарко, а юбки тянули вниз, словно пытаясь заставить ее лечь в могилу. Анне хотелось вернуться в свою спальню и снова лечь в постель. Но долг повелевал ей находиться возле мужа.

– Не забывайте об обещании родить мне наследника, – зашептал Генрих на ухо жене, – сегодняшней праздник в честь нашей дочери не означает, что мы оставили надежду получить от вас сына.

В ответ Анна смогла лишь натянуто улыбнуться. Она сер-

дилась из-за своего бессилия: в данной ситуации ее обычные уловки не срабатывали. Анна заметила, что хоть по-прежнему и нравится Генриху, но он к ней начинает привыкать. После свадьбы и официального развода с Екатериной, его волновал только один вопрос – родится ли у Анны сын. Теперь, когда надежды короля в очередной раз рухнули, очаровывать его стало куда сложнее.

Королева с раздражением посмотрела на Генриха. Когда она впервые увидела его, приехав из Франции, он был моложе и красивее, а характер был гораздо менее крут. Сейчас рядом сидел толстый мужчина, одним своим видом внушавший страх. Его крупные пальцы перебирали подол короткого плаща, отороченного горностаем. Ноги, облаченные в темно-синие панталоны, которые на нем едва не трещали, были обуты в широкие туфли размером, пожалуй, в две туфли Анны. Окладистая, аккуратно подстриженная борода придавала ему строгий и серьезный вид.

Анна представила себе мужа в постели. Его грузное тело больше ее не привлекало, а даже отпугивало. Она оглянулась – привлекательных молодых людей было вокруг много, но танцевали они не с ней. Никто не осмеливался пригласить жену короля, столь скорого на расправу. «И с этим тоже нужно что-то делать», – печально подумала Анна, разглядывая симпатичного юношу, оказавшегося неподалеку. Она выглядела еще довольно-таки молодо, и ей хотелось получать удовольствия от жизни, а не только быть женой стареющего и

толстеющего короля.

В декабре Елизавету из Гринвича перевезли в Хэтфилд Хаус – дворец расположенный неподалеку от Лондона. Анна была только рада реже видеть дочь: слишком уж она ей напоминала о постигшей неудаче. С принцессой в Хэтфилд отправился целый штат прислуги. Генрих, несмотря на разочарование, Бэт любил и не хотел обделять ее необходимым для дочери короля вниманием.

Про свою первую жену он, казалось, забыл. Екатерина жила в заброшенном замке в Хантингтоншире. У нее осталось совсем мало слуг, и даже лучшей подруге велели удалиться со двора бывшей королевы. Замок, в котором она жила, выглядел мрачным, холодным и сырым. Частые недомогания Екатерины относили на то, что король не позволяет ей переехать в более полезное для здоровья место.

Однако, в ту зиму холодно было не только в Хантингтоншире...

Кутаясь в теплый плащ, Анна вышла на улицу. Она, не оглядываясь, пошла в сторону конюшен. Капюшон срывало ветром, и забранные в высокую прическу волосы постепенно рассыпались по плечам.

– Говорите быстрее, – дрожа всем телом, велела она мужчине, который ожидал ее неподалеку от лениво жующих се-

но лошадей, – вы сделаете так, чтобы она умерла постепенно, не сразу, и не вызывая подозрений?

– Да, я смогу выполнить вашу просьбу, – медленно произнес ее собеседник. – Яд, который следует понемногу подсыпать в еду, действует в основном на желудок. Сразу она от этого не умрет. Но ее будут преследовать болезни, потому что организм будет ослабевать. Головокружения, обмороки, частые простуды гарантированы.

– Вот деньги, – Анна протянула небольшой мешочек. – Вы договорились с кем-нибудь из ее слуг? С тем, кто будет подсыпать яд?

– Конечно. За деньги люди готовы на многое, – мужчина злобно усмехнулся, – если не на все. Не волнуйтесь. Ваше указание будет выполнено.

– Когда она умрет? – спросила Анна еле слышно.

– В течение года. Самое большее в течение двух. Впрочем, на два года ей не стоит надеяться, – он рассмеялся собственной шутке.

Анна вздрогнула и пошла прочь. Как ни неприятна ей была вся эта затея с отравлением, другого выхода не было. Мысль о том, что бывшая жена Генриха до сих пор жива, не отпускала. Ставшая после развода незаконнорожденной принцесса Мария тоже не давала покоя. Испанский император, приходящийся им близким родственником, вполне может воспользоваться ситуацией и попытаться вернуть тетку на трон.

– Посланец Екатерины все-таки передал письмо Карлу, – сообщил Анне недавно Генрих. – Отправленный мною вслед за ним шпион не сумел перехватить послание. Но не думаю, что в нем может быть важная информация. Екатерина писала его больше полугода назад, еще до развода. Так что беспокоиться не о чем. Карл вряд ли сейчас сможет помочь нашей сестре, – Генрих усмехнулся, как это он всегда делал, когда называл бывшую жену сестрой.

Но Анна с мужем в душе не согласилась. Услышав о дошедшем до Испании письме, она решила ускорить смерть Екатерины, которая никак не хотела умирать без посторонней помощи и к тому же постоянно писала послания Генриху, в Рим папе, французской королеве и бог только знает еще кому. Досаждала, короче говоря, Анне ужасно.

Глава 3. 1536 год

1

Он мчался во весь опор к морю. За последние три года Фредерико так привык скакать на лошади из одного конца страны в другой, что иной жизни уже себе и представить не мог. Из беззаботного молодого человека он превратился в мужчину, на чьих плечах лежало бремя ответственности сра-

зу за двух дорогих его сердцу женщин. Первой была бывшая королева Англии Екатерина Арагонская, второй – возлюбленная, фрейлина французской королевы, Матильда.

С тех пор, как Фредерико, хоть и с опозданием, но довез письмо Екатерины до испанского императора, его так и отправляли туда-сюда с тайными посланиями. Он стал с легкостью переходить с английского на французский, с французского на испанский и с испанского на английский. Порой, просыпаясь на постоялом дворе, Фредерико не сразу понимал, где находится. Он выглядывал в окно, слышал:

– Bonjour, Messieurs!³

И, вздохнув с облегчением, спускался вниз, начиная разговор по-французски.

Во Франции в начале января было тепло, но Фредерико знал, что как только он достигнет берегов Англии, ему понадобится подбитый мехом плащ. Еще ему не дадут так запросто доскакать до замка Кимболтон в Хантингтоншире, чиня препятствия на каждом шагу. Он стал фехтовать так, что шпага, казалось, летала в воздухе. Однако его просили не ввязываться лишний раз в драки, не предавая гласности свое пребывание в Англии.

Год назад Карл пытался организовать побег Екатерины и Марии. Фредерико должен был ждать женщин в лодке, которая бы переправила их в Голландию. План провалился – Екатерина вновь заболела и не смогла выехать в назначен-

³ Здравствуйтесь, господа (фр)

ное время из замка. Теперь она была снова больна. И Карл, и Элеонора, жена французского короля, считали, что бывшую английскую королеву пытаются отравить. Сейчас Фредерико вез своей госпоже новое противоядие, изобретенное опытными в таких делах французами. Элеонора надеялась, что смерть ее соотечественницы и подруги таким образом все же удастся предотвратить.

– Эй, постойте-ка! – за спиной испанца послышался приближающийся стук копыт.

Фредерико, не сбавляя скорости, оглянулся. Догонявший его всадник был не один.

– Что вам нужно? – крикнул он, пришпоривая коня.

– Я граф де Вилар, – представился преследовавший, – а мне так видится, что вы мой бывший слуга, Фредерико!

Пришлось остановиться. Оказалось, граф заметил его на постоялом дворе, но Фредерико уехал так быстро, что тот не успел с ним поговорить.

– Заедем в таверну, выпьем за встречу, – предложил любивший поболтать граф. – Куда ты так несешься? Опять где-то умирает матушка? – рассмеялся он.

– Не поверите, ваше сиятельство, – почтительно склонил голову Фредерико, – действительно умирает. Только в этот раз не матушка, но тоже дорогой моему сердцу человек. Везу лекарство, которое должно облегчить страдания. Так что, извините, задерживаться с вами не могу, – он еще раз низко поклонился, как и прежде лихо подметая полами шляпы до-

рожную пыль, и вскочил на лошадь. – До встречи, граф!

Наконец, Фредерико увидел море. Штормило – быстрой переправы на английский берег не видать. Кале он уже знал как свои пять пальцев. Морские разбойники, самые отъявленные мерзавцы, но и самые отчаянные матросы, обычно собирались у невзрачного на вид постоянного двора в самом конце пристани. Испанец старался лишний раз их услугами не пользоваться: неприятности поджидали в таком случае на каждом шагу. Разбойники перевозили запрещенные грузы, трупы и только черт и дьявол знают, что еще. Они могли убить того, кого по доброй воле взяли с собой на борт. Да вот доброй воли-то у них и не было, поэтому смерть поджидала каждого. Не уснешь, не отдохнешь во время путешествия – сиди наготове, обнажив шпагу и забросив мешок за плечо.

В это раз выбора все равно не оставалось.

– Повезет кто в Дувр? – крикнул Фредерико стоявшим на улице морякам.

– Смелый какой! Штормит! Никто в такую погоду в пролив не ходит! – раздались ответные крики. – Жить надоело, так мы поможем помереть прямо здесь! – слышался зловещий хохот.

Один из моряков отделился от толпы:

– Сколько? – только и спросил он.

Фредерико мысленно пересчитал оставшиеся деньги. Он вычел расходы на покупку лошади в Англии, немного оставил себе на еду и назвал сумму.

– По рукам! – мужчина подошел ближе. – Одно условие. Ты будешь выполнять все мои команды. Помощников у меня нет. На лодке нас будет двое.

Фредерико уверенно кивнул, покрепче сжав свой мешок.

– Идем! – и моряк быстро направился в сторону пришвартованных к берегу кораблей.

Несмотря на то, что наступил день, туман поглощал все вокруг. Оттолкнув довольно-таки хлипкое суденышко от берега и с трудом запрыгнув в него, промокнув с головы до ног, Фредерико успел пожалеть о том, что пустился в такое рискованное мероприятие. Волны накрывали кораблик, словно пытались сожрать его с потрохами.

– Натягивай парус! – орал ему моряк. – Влево поворачивай! Левее! Право! – сам он с бешеной силой крутил штурвал, каким-то сверхъестественным способом направляя корабль в нужную сторону.

Испанец бегал по палубе как одержимый. Он забыл счет времени, перестал чувствовать голод и жажду, лишь иногда облизывая потрескавшиеся соленые губы; усталость покинула его тело, которое сделалось легким, как перышко перелетая по лодке. Фредерико иногда успевал только одно – смотреть на горизонт в надежде увидеть землю.

– Помолись! – услышал он в какой-то момент. – Добрались...

– Сколько прошло времени с тех пор, как мы покинули Кале? – спросил Фредерико, обессилено опускаясь на мок-

рую палубу.

– Точно не скажу. Около суток.

– Обычно я добирался до Дувра часов за двенадцать, – пробормотал испанец.

– Это тебе не обычно. Едва не потонули, – спокойно ответил моряк, поворачивая штурвал. – Опускай паруса. Ветер нас гонит к берегу.

У берегов Англии стоял туман, но шторм утих, и они смогли довольно легко пришвартоваться. Фредерико отдал моряку деньги и, едва держась на ногах от усталости, побрел к постоялому двору. Отдохнуть было некогда. Он выбрал себе лошадь, съел кусок жесткого, вяленого мяса, запив его кружкой пива, и поскакал дальше. Следовало поторопиться – время бежало вперед быстрее, чем неслась самая ретивая лошадка.

В замке стояла тишина. Фредерико она совсем не понравилась. Он поднялся в спальню бывшей королевы, не встретив на своем пути ни души. Спальня оказалась пуста. Фредерико устало опустился на кровать. Не осталось ни сил, ни желания двигаться. Неожиданно послышались чьи-то шаги. В комнату медленно, с трудом переставляя ноги, вошел старый слуга Екатерины.

– А вот и ты, мой мальчик, – прошепелявил он еле слыш-

но, – Кейт умерла. Вчера в два часа дня. Промучилась несколько дней, и забрал ее Господь к себе. Видимо, посчитал, что хватит ей страдать.

– Я не успел, – Фредерико обхватил руками голову, – так торопился и не успел.

– Не печалься. Ты же не ел с дороги? Пойдем на кухню. Кое-что там осталось.

Фредерико поплелся за стариком. Он вспоминал свои встречи с Екатериной, переезды из страны в страну в попытках ей помочь. Он думал о том, как все-таки надо было организовать путешествие, чтобы успеть ее спасти. Непроизвольно слезы вдруг покатались по его щекам.

– Ведь не Господь решил ее забрать к себе, – пробормотал он, – ее отравили. По указанию этой ведьмы, самозванной королевы Анны.

– Все равно решения принимаются на небесах, – молвил старик, услышав произнесенные Фредерико слова. – Анна по-прежнему не может родить королю сына. И она будет расплачиваться за свои грехи, поверь мне. Не плачь. Бывает в жизни горе посильнее. Не трать слезы на то, что было пред-решено свыше. Таков был ее путь на земле, таков был ее путь на небо. Ты прибыл вовремя. Раньше тебя Господь здесь и не ждал.

Екатерину Арагонскую похоронили в Аббатстве Питербороу. Ни Генрих, ни тем более Анна не присутствовали на похоронах. Холодный январский ветер заставлял присутствовавших кутаться в теплые плащи и накидки. Верная жена короля Генриха Восьмого, ни на секунду не предавшая своих клятв у алтаря, была похоронена как вдова Принца Уэльского, своего первого мужа.

После похорон Фредерико медленно побрел прочь. У него больше не было дел в Англии. Оставалось одно: ехать во Францию, чтобы жениться на Матильде.

– Куда держишь путь, мой друг? – раздался голос возле его уха. Граф де Вилар пристально посмотрел на Фредерико. – Мне кажется, ты еще можешь немного задержаться в Англии.

– Мне здесь некому больше служить, – не удивившись появлению графа, ответил испанец, – я еду к возлюбленной в Париж.

– Ты ошибаешься. Ты снова можешь послужить мне. Я еду в Лондон. Ко двору Генриха. Ты едешь со мной?

– Не знаю, – честно ответил Фредерико, – но если вы действительно нуждаетесь в моих услугах, мы можем по крайней мере вместе доехать до Лондона. А там видно будет.

– Ну что ж, вперед! Я остановился неподалеку. Предлагаю

гаю составить мне компанию. Ночлег и сытный ужин я тебе обещаю. Кстати, говорят, королева Англии снова беременна. Первый раз она родила девочку, второй раз – мертвого ребенка. Кто будет третьим? Не понаблюдать ли нам за беременностью королевы? – де Вилар вскочил на коня и махнул своим подданным рукой.

Фредерико подошел к лошади, потрепал ее по гриве и решительно направил вслед за графом.

2

После очередных неудачных родов Анна лежала на постели вконец обессиленная. Что было самым неприятным – мертвым на сей раз родился мальчик, которого так ждал Генрих. Анне хотелось плакать, но показывать свою слабость перед окружившими кровать подданными она позволить себе не могла.

– У вас снова ничего не получилось? – люди расступились, пропуская к королеве мужа.

Генрих навис над кроватью, приблизив лицо к подушке:
– Я бы на вашем месте старался получше, – сказал он громким шепотом Анне, – у вас в покоях вечно толкутся ваши фавориты. Не они ли мешают вам родить здорового ребенка? Я планировал рыцарский турнир. В этот раз я не стал его проводить заранее – ведь мы уже когда-то поверили в то, что вы родите мне наследника, и начали праздновать его по-

явление на свет, пока он находился в утробе матери. Тогда мы получили пренеприятный сюрприз. Мне подарили дочь. Сейчас еще хуже: родился мальчик, но он мертв! Не оттого ли, что вы изменяете своему супругу? А? – Генрих чуть качнулся вперед. После недавнего падения с лошади у него участились головокружения, и Анне показалось, он вот-вот рухнет на нее всем телом.

– Что вы такое говорите? – промолвила она через силу, вжимаясь в подушку. – Я никогда вам не изменяла.

– Прекрасно! – король выпрямился. – Турнир не отменяется. Будьте добры присутствовать. Через две недели, первого мая. Думаю, вы будете уже достаточно здоровы, – он резко повернулся к Анне спиной и почти выбежал из комнаты.

«Где уж тут изменять мужу, когда ты постоянно ходишь беременная, – подумала Анна со вздохом. Беременность и роды казались ей теперь еще большим наказанием, чем раньше. – Надо бы все-таки поговорить с Генрихом. В последнее время он только и делает, что обвиняет меня в изменах».

– Помогите мне одеться, – произнесла она вслух, собираясь с силами, чтобы встать.

– Вам не следует сейчас вставать, ваше величество, – встрял врач, – вы слишком слабы.

– Принесите мои платья! Мне самой решать, насколько я слаба или сильна. И у меня всегда найдутся силы, чтобы увидеться с мужем.

Врач почтительно поклонился и не стал спорить. Ему хо-

рошо был известен характер королевы: уж если она что-то вбила себе в голову, то сделает непременно.

Анна старалась идти, выпрямив спину и никому не показывая, какой болью ей отдается каждый сделанный шаг. Те, кто попадался навстречу в коридорах Гринвического дворца, вежливо кланялись. Но королева во всех взглядах читала скрытую угрозу, враждебность и ненависть. «Неужели, Генрих что-то задумал?» – мыслишка не покидала голову, устраниваясь в ней поудобнее, скручиваясь клубком, мешая думать и планировать свои действия.

Возле комнаты Генриха Анна остановилась перевести дух. Она прислонилась к стене, чувствуя, как подгибаются колени, и как громко стучащее сердце норовит выскочить из груди. Анна толкнула тяжелую дверь. Король сидел в своем любимом кресле, а на коленях у него красовалась одна из фрейлин Анны. У королевы потемнело в глазах – она даже не помнила имени этой маленькой некрасивой мерзавки, посмевавшейся заигрывать с королем. Фрейлина заметила королеву и испуганно соскочила на пол. Анна подошла к девушке и схватила ее за шею.

– Что б больше я тебя рядом со спальней короля не видела, – прохрипела она. Фрейлина дернулась, и у Анны в руке осталось порвавшееся ожерелье.

Генрих расхохотался.

– Выйдите обе. Меня ждут государственные дела, – объ-

явил он дамам со смехом.

Униженная, Анна вернулась к себе. В комнате с подолом собственного платья на ковре играла Бэт. Ее рыжие кудряшки выбивались из-под бархатного чепчика, придавая лицу задорное выражение.

– Мам, – улыбнулась девочка, увидев Анну.

«Похожа на отца», – подумала королева, молча проходя к постели.

Няня взяла Елизавету за руку и вывела из комнаты.

Оставшееся до турнира время Анна старалась вернуть себе хорошее расположение духа. Она собиралась действовать так же, как действовала раньше: вновь очаровать мужа, улыбаясь и непринужденно беседуя с ним обо всем и ни о чем. Мужчины, которые и в самом деле в большом количестве окружали королеву, расточали комплименты, помогая возвращать хорошее настроение.

Среди друзей Анны числился ее родной брат, друг Генриха, а также несколько придворных поэтов и музыкантов. Все они постоянно крутились в спальне королевы, отвоевывая ее расположение друг у друга. Иногда Анна, конечно, позволяла им некоторые вольности. В последний год, когда Генрих стал от нее отдаляться все больше и все реже стал появляться в ее спальне, ей оставалось довольствоваться вниманием других мужчин. Они, не обращая внимания на то, беременна она или нет, уверяли Анну в том, что она красивее всех

на свете...

– Генрих, – Анна протянула руку для поцелуя одному из ближайших друзей мужа Генри Норрису, – ты все же решил навестить меня. Я рада твоему приходу, – она благосклонно кивнула, указывая посетителю на низкую скамейку, стоявшую у ее ног.

– Что твой муж? По-прежнему позволяешь ему унижать тебя? – спросил поклонник, глядя на Анну снизу вверх.

– А ты по-прежнему позволяешь себе вольности, – Анна улыбнулась, – не стоит заходить слишком далеко. Король ревнует.

– Представь, что его нет. Перестань постоянно себе о нем напоминать. Генрих унижает тебя, не ценит. Все, что он хочет – это сына. А мне нужна только ты, и никто другой, – Норрис провел рукой по юбке королевы, пытаясь под шелком угадать положение ее ноги.

– Не говори мне об этом! – Анна убрала его руку с платья. – Даже если Генрих умрет, тебе не занять его места! – она рассердилась, сама не зная на что. – Уходи. Сейчас придет новый музыкант. Мне его очень хвалили. Я хочу послушать музыку одна.

Музыканту не повезло. Едва он покинул спальню королевы, как его схватили и препроводили в Тауэр. Целые сутки молодого человека пытали, выбивая признание, и в итоге он согласился со всеми обвинениями: «Да, королева изменяла со мной своему мужу, королю Генриху Восьмому», «Да, она

говорила мне, что отравила Екатерину», «Да, она планировала отравить и самого короля».

Анна об этих признаниях ничего не знала и в приподнятом настроении отправилась на турнир. Разве она могла предположить, что прямо во время турнира Генрих обвинит ее брата и своего ближайшего друга в измене и отправит их в Тауэр? В страшной башне из них тоже выбьют признания, которые вовсе не облегчат им участь.

А второго мая на рассвете стражники вошли в спальню самой королевы.

– Ваше величество, пройдите с нами, – вежливо предложили Анне.

– Куда вы меня поведете? – она понимала, что происходит нечто ужасное, но ей не хотелось верить в худшее. – Вы меня проводите к королю? – Анна решила настаивать на своем до последнего. – Проводите меня к Генриху! – ее голос срывался, рыдания, подступавшие к горлу, не давали говорить спокойно.

– Да, конечно, – стражники получили приказ на словах соглашаться со всем, что потребует опальная королева. – Одевайтесь и идите с нами.

Ее провели к лодке, пришвартованной у берега Темзы, и повезли в сторону Тауэра. Башня маячила вдали, не скрываясь и не таясь. Она словно приветствовала Анну: вот и ты здесь, и тебя не миновала сия участь, и тебе предстоит испытать на собственной шкуре все прелести пребывания в пе-

чально знаменитой темнице. Но Анна не хотела верить в то, что происходило с ней.

– К королю, везите меня к королю! – продолжала просить она замолчавших стражников. – Вы не смеете так поступать с королевой Англии! – кричала она, заливаясь слезами, забыв, как совсем недавно праздновала победу над униженной Екатериной.

Две недели в башне тянулись дольше чем два года. В какой-то день к ней привели дочь, и на этом всякая связь с внешним миром прекратилась. Елизавета не понимала, что происходит, и лишь ближе прижималась к ожидавшей своей участи матери. Изредка их выпускали погулять во внутренний двор Тауэра, но никто с ними не заговаривал, стараясь отводить в сторону взгляд, прекрасно осознавая, что судьба Анны Болейн предрешена.

И все-таки суд состоялся. Пятнадцатого мая Анну провели в большой зал, где среди судей она с ужасом узнала собственного дядю, графа Норфолка, и бывшего жениха, графа Нортумберлендского. Естественно, Бэт на суд не взяли – она прогуливалась во дворе с няней. Но отчего-то она помнила и суд над матерью тоже.

– Признаете ли вы себя виновной в том, что изменяли своему мужу на протяжении последних трех лет?

– Нет, я не виновна.

– Признаете ли вы себя виновной в том, что отравили бывшую королеву Англии, Екатерину Арагонскую?

– Нет, я не виновна.

– Признаете ли вы себя виновной в попытке отравления принцессы Марии, дочери короля?

– Нет, я не виновна.

– Признаете ли вы себя виновной в попытке организовать отравление своего мужа, короля Англии Генриха Восьмого, чтобы после выйти замуж за Генри Норриса?

– Нет, я не виновна.

Приговор оглашал дядя Анны. Граф Норфолк сквозь слезы несколько раз произнес: «Виновна, виновна, виновна». Про себя он думал о том, как повезло, что ему самому отрубать голову не будут. Он выживет, и голова останется на плечах.

Приговор был зачитан. В зале поднялась суматоха – граф Нортумберлендский упал в обморок. Подписать приговор любимой когда-то им женщине оказалось непросто. Но Анне было уже все равно. Она не видела ни слез на лице дяди, ни лежавшего на полу бывшего жениха...

Эшафот накрыли плотной, черной материей. Специально выписанный из Франции палач, владеющий мечом, ожидал в стороне. Конечно, положено было королеву жечь на костре, но Генрих проявил невиданное милосердие и заменил костер на отсечение головы: все-таки впервые в истории стра-

ны казнили королеву. Игра стоила свеч. Или топора.

Про Бэт все забыли и думать. Она стояла в сторонке, никем не замечаемая, всеми позабытая. Ей было два года и восемь месяцев, и она во все глаза смотрела на разворачивающееся перед ее глазами зрелище. Вот мама идет в сером платье, отороченном мехом. Как всегда красивая, только отчего-то печально ее лицо. Вот рядом стоит высокий мужчина в закрытом капюшоном лице. Тетя, мамина старшая сестра, забирает у мамы молитвенник. Мама громко говорит о своей любви к папе, королю Генриху, и почему-то просит Иисуса забрать к себе ее душу. Мужчина в капюшоне заносит над своей головой меч, мамина голова падает на черную ткань. Ее губы продолжают шевелиться в безмолвной молитве. К маме подходят какие-то дамы, накрывают ее тело простыней и уносят прочь.

Елизавета – понимает – мамы – больше – нет. Она падает на колени в лужу, что осталась на земле после прошедшего ночью дождя, и бесконечно смотрит на то место, где только что стояла Анна.

– Как ты здесь оказалась? – няня пытается поднять с колен Бэт. – Я ищу тебя все утро. Кто тебя сюда пустил?

Бэт – не – плачет. Она молчит и не обращает никакого внимания на няню. Мамы – нет. Ее – только – что – завернули – в – тряпку – и – унесли – прочь. И – голову – мамину – тоже – завернули. А – губы – мамини – все – шевелились – и – шевелились. Господи – за – что?!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТЕЦ

Здесь так любят рубить головы. Странно, что кто-то еще вообще уцелел.

Льюис Кэрролл

Глава 1. 1536 год

1

После казни прошло всего одиннадцать дней, а Генрих уже объявил своей женой ту самую фрейлину Анны, которая недавно восседала у него на коленях. Джейн была девушкой тихой и кроткой, представляя собой полную противоположность предыдущим женам короля.

Фредерико все это время находился в Англии и с ужасом наблюдал за разыгрываемой на его глазах кровавой драмой. По большому счету на острове его больше ничего не держало, и он мог бы спокойно ехать во Францию к любимой. Но граф де Вилар не отпускал соотечественника от себя, давая ему мелкие поручения, а в основном используя его в качестве собеседника. Граф любил практиковаться в языках и заставлял Фредерико во время разговора по несколько раз

переходить с английского на испанский и на французский.

– Короля в Риме уже давно отлучили от церкви, – объяснял де Вилар, – он ничего не боится. Поверь, если эта жена не родит ему сына, он и ее отправит на эшафот. Первый брак короля признан недействительным, принцесса Мария – незаконнорожденной. Теперь также участь постигла и принцессу Елизавету. Что хуже, ее мать обезглавлена. Брак также признан недействительным. Генрих может продолжать в том же духе бесконечно. Англиканская церковь полностью подчиняется ему, и ей плевать на мнение папы.

– Сколько мы еще будем оставаться в Англии? – время от времени интересовался Фредерико. – Франция и Испания снова ведут военные действия. Не пора ли нам покинуть двор английского короля?

Но граф никуда не торопился и всеми силами удерживал Фредерико возле себя. Лишь однажды последнему удалось пересечь Ла-Манш. Осенью ему поручили отвезти тайное послание Франциску. В Англии начинался мятеж – новый указ короля о закрытии монастырей вынудил людей открыто выступить в защиту католической веры. Формально никто Генриха свергать не предлагал. Требования касались лишь воссоединения с Римом, признания принцессы Марии законной наследницей престола и ограничения власти короля, особенно в вопросах церкви и веры.

За простыми мятежниками стояли и более важные персоны. Воспользоваться случаем хотелось многим – на стороне

восставших было в десятки раз больше народу, чем на стороне тех, кто защищал короля. Тем не менее, помощь Франциска совсем не помешала бы. Оттянув силы на борьбу с внешним врагом, Генрих не смог бы в полную силу противостоять внутреннему.

Добраться из Лондона до Йорка, где ждали Фредерико, чтобы передать ему письмо, оказалось непросто. Преданные королю войска стояли полукругом, отрезая путь к столице. Они не вступали в открытое противостояние с превосходившими силами восставших, но переезд на север страны стал представляться делом практически невозможным. Впрочем, обратный путь тоже несказанно осложнялся. Но Фредерико пока предстояло преодолеть первую часть путешествия.

– Мы приглашены в Хэтфилд Хаус, – объявил граф прямо перед отъездом.

– Это тот небольшой дворец неподалеку от Лондона, где живет принцесса Елизавета? – поинтересовался удивленный Фредерико.

– Точно! – граф улыбнулся. – Ты поедешь в сторону Йорка с личным поручением от графини Норфолк. Ее племянник стоит на стороне короля. Так что тебя пропустят без проблем на всем протяжении пути.

– Почему графиня помогает мятежникам? – не понял Фредерико.

– Она является ревностной католичкой. В глубине души, конечно. Графине не нравится то, что делает король с мона-

стырями и с религией в принципе. Она женщина пожилая и сама не может предпринимать какие-то решительные действия. Тем более, что она приставлена к Елизавете, незаконнорожденной принцессе, дочери казненной королевы Анны. Разве такое положение при дворе не унижительно?

Когда Фредерико и де Вилар прибыли в Хэтфилд Хаус, там царило небывалое оживление. Оказалось, принцессу решила навестить сама королева. Джейн старалась не портить отношения ни с Марией, ни с Елизаветой. Со старшей дочерью Генриха наладить хорошие отношения было практически невозможно. А вот маленькая Бэт, недавно потерявшая мать, быстро привязалась к новой жене короля. И Джейн старалась почаще приезжать в Хэтфилд. Ей и самой было куда приятнее проводить время в небольшом, тихом дворце при дворе Елизаветы, чем в шумных покоях Гринвича или Ричмонда.

Неожиданно, вслед за королевой к Елизавете пожаловал и отец. Не успели испанцы разместиться в своих комнатах, как суматоха, поднявшаяся во дворце, только усилилась.

– Если бы я не был так скромн, то подумал бы, что вся эта суета из-за нас, – засмеялся Фредерико, – не отменили бы нашу встречу с графиней.

– Не думаю, что кто-то заметит наше присутствие. А уж тем более, что кому-то потребуется присутствие престарелой графини, – граф усмехнулся, – пошли, попробуем покончить с делами побыстрее. Чем раньше ты выедешь отсю-

да, тем лучше.

Граф ошибался. Их присутствие заметили. Правда, позвали только Фредерико. И не кто-нибудь, а сам король. Он шел по коридору, окруженный свитой. Испанцы почтительно отошли к стене. Но Генрих увидел Фредерико и поманил его пальцем.

– Ага, а не тот ли это верный слуга моей достопочтимой сестры, который несколько лет назад просил отпустить его в Испанию? – король подошел к Фредерико поближе. – Как твоя больная матушка?

Иногда Генрих поражал своих поданных великолепной памятью. Он вспоминал мелочи, которые, казалось, давно забыты и не имеют никакой важности. Фредерико вздрогнул, но постарался сохранить спокойствие.

– Ваше величество, узнав меня, вы мне оказываете великую честь, – он низко поклонился.

– Кому же ты теперь служишь? – спросил король. – И что делаешь при дворе моей дочери Елизаветы?

Фредерико постарался быстро обдумать сложившуюся ситуацию.

– Я служу графу де Вилару. Он тоже из Испании, и был так любезен, что взял меня к себе в услужение. Здесь мы проездом. Собирались на север, но там, говорят, сейчас беспокойно, – Фредерико понял, что скорее всего, все-таки сморозил глупость, но отступать было уже некуда.

– Э, да ты мне годишься, – король кивнул, – иди за

мною. У меня будет к тебе поручение. Граф как-нибудь обойдется несколько дней и без своего слуги.

Фредерико послушно пошел за королем. Де Вилар остался растерянно стоять в коридоре.

– Итак, – начал король, войдя в небольшую комнату, – тебе надлежит встретиться с предводителями восстания и привезти их требования мне. Пусть напишут, кто против, против чего, что хотят. Я лично не могу с ними вести переговоры: ты же понимаешь – королю не пристало заниматься такими делами, – Генрих говорил негромко и даже, можно сказать, ласково. – Тебе же следует добраться до них, не выдавая себя до поры до времени. И после, добравшись до тех, кто возглавляет мятеж, а возглавляют его, конечно, не крестьяне и не плотники, скажешь, что приехал по поручению короля.

– Ваше величество, но почему они должны будут довериться мне? – спросил, не совсем понимая сути своего задания Фредерико.

– Это уже твоя задача сделать так, чтобы доверяли. Скажи, король хочет знать, чем недоволен его народ. Что он готов пойти на уступки, но ему не докладывают всей правды. Поэтому он и просит передать требования лично ему. Поезжай сегодня же. Думаю, ты справишься. – Король махнул рукой в сторону двери. – Ах, да, – остановил он в последний момент испанца, – подожди немного. Я велю подготовить тебе сопроводительные письма, чтобы ты без проблем добрался,

куда надо.

«Куда надо» означало пробираться в Йорк почти через полстраны.

– Ты ведь едешь, именно в то место, в которое мы и хотели направляться, – порадовался граф, – король, сам того не ведая, отправил тебя туда своим собственным приказом!

И ранним утром Фредерико выехал из замка Елизаветы, не успев даже мельком увидеть маленькую принцессу. По большому счету, ему было не до нее. За пазухой привычно приютились письма: верительные грамоты от Генриха и два письма от графини – племяннику и некоему Роберту Акту, якобы возглавлявшему мятеж.

Погода в начале декабря не придавала Фредерико ни оптимизма, ни хорошего настроения. Из-под копыт его лошади вылетали комки грязи, в разные стороны летели брызги грязной жижи, хлюпавшей при каждом прикосновении копыта к земле. Судя по всему, лошадь тоже была недовольна: она постоянно фыркала и трясла гривой, пытаясь закусить удила. Фредерико вспоминал Матильду, которую он так давно не видел, проклинал Англию и клялся самому себе, что в эту страну, где люди творят чего хотят, не считаясь ни с Богом, ни с собственным королем, ни уж тем более с другими странами, он больше не вернется...

Первым его принял сам герцог Норфолк. Он ознакомился с письмом тетки, с грамотами короля и беспрепятствен-

но пропустил Фредерико дальше. На пути следования теперь стояли мятежные Шеффилд и Йорк. Где-то там следовало искать некоего Роберта Акта, а может и кого другого.

В рядах мятежников народа было побольше, чем в войсках короля, а порядка гораздо меньше. Но пронырливый Фредерико все же сумел попасть, куда следовало. Только одно лицо, как выяснилось, отправляло письмо Франциску, и совсем другое Генриху. Искренне сохранять монастыри от разграбления собирался тот, кто писал Генриху, и его действительно звали Роберт Акт. Он честно перечислил требования народа в своем послании королю, заверил Генриха в преданности его вассалов, поставил подпись и приготовился ждать ответа. Лорд Киннингем преследовал совершенно иные цели: свергнуть короля с престола, и уж заодно вернуть в страну католическую веру и поддержку Рима. Если французский король начнет против Генриха военные действия, то королевские войска будут оттянуты с севера страны на юг, к проливу Ла-Манш. Тут-то лорд и его приспешники смогут беспрепятственно занять Лондон.

Содержания писем Фредерико не знал. Он привычно положил бумаги за пазуху и снова поскакал в сторону Лондона.

2

Елизавете – три года. Она слышит голос отца и выбегает из своей комнаты. По чьему приказу отправляли ее мать

на эшафот, ей неизвестно, да она пока над этим вопросом и не задумывается. Бэт бежит навстречу крупному, высокому мужчине. У него на голове красуется синий, бархатный берет с пером. Бэт хочется с пером поиграть, но она побаивается, что отец рассердится.

Генрих подхватывает младшую дочь на руки. Она чудным образом напоминает ему самого себя и Анну. От этого ощущения порой сжимает сердце, но король не позволяет себе подобной слабости.

Маленькая ручка все же касается пера. С огромной высоты Бэт опускают на пол.

– Как вела себя моя принцесса? – спрашивает отец.

– Хорошо, – Елизавета кивает и делает реверанс. Ей трудно устоять на ногах, но она очень старается и держит спину прямой-прямой, как велит герцогиня.

Отец идет дальше, а Елизавета возвращается к себе. В комнате сидит Джейн. Милая подружка, папина новая королева. Она не очень хороша собой, зато очень добра. Джейн рассказывает Елизавете, что хочет родить мужу сына. Тогда король обрадуется, и Джейн будет считать, что свой долг перед страной выполнила. Бэт не совсем понимает, о чем речь, но с удовольствием слушает спокойную речь мачехи. Она тоже с нетерпением начинает ждать появления на свет брата.

Иногда отец при Бэт обсуждает важные вопросы. Елизавета не очень понимает, о чем речь, но с удовольствием слушает голос Генриха.

– Испанец, бывший слуга моей отошедшей в мир иной, любимой сестры Екатерины, привезет требования мятежников. Я с ними ознакомлюсь и приглашу зачинщиков мятежа к себе для их обсуждения. Так мы получим возможность ознакомиться с планами наших врагов, а также заполучим самих врагов тихо и мирно.

– Ваше величество считает, что они поверят отправленному вами человеку?

– Думаю, да, – Генрих хлопнул руками по толстым ляжкам, обтянутым панталонами. – Мятежники не говорят о свержении короля, они лишь хотят вернуть в Англию католическую веру, власть папы, сохранить монастырские земли и богатства. Нам надо выяснить, не стоит ли за всем этим что-то еще.

– Все-таки заговор?

– Увидим.

Бэт нравилось слово «заговор». Окружающие произносили его чуть слышно, оглядываясь по сторонам и втягивая голову в плечи, словно это была какая-то большая тайна, секрет, который хотелось раскрыть. Она вспоминала сказки – «заговора» в них не бывало, но ей казалось, что слово очень хорошо бы туда вписалось.

А вскоре выяснилось, что мачеха Джейн ждет ребенка. Все засуетились и начали гадать, кто у нее родится. Бэт так

же, как и Джейн, хотелось, чтобы родился мальчик. Свою старшую сестру Марию видела она редко и не очень любила. Та постоянно Елизавету обижала, дразнила и никогда с ней не играла, а даже напротив, часто отбирала игрушки, хоть и была уже взрослой. Отец тоже недолюбливал старшую дочь и говорил, что «она некрасива – пошла в мать». Так что вся надежда была на Джейн, которая родит Елизавете брата...

Рождество 1536 года Елизавета праздновала весело: Генрих пригласил дочку во дворец в Гринвиче. Там, кроме радостной Джейн, находился и новый друг Бэт, Роберт. Мальчик был ровесником принцессы, сыном графа Уорвика. Детям сразу понравилось общество друг друга. Они играли, открывали подарки, которые в огромном количестве вручили Елизавете, и не обращали внимание на суетившихся вокруг взрослых.

Король также пребывал в прекрасном настроении. Фредерико блестяще справился с данным ему поручением и привез список тех, кто руководил мятежом. Не то чтобы его составляли специально для отправки Генриху. Просто они все поставили свои подписи под требованиями, изложенными в письме королю. Генрих лишь усмехнулся проявленному простодушию. Он велел пригласить подписавших послание в Лондон.

– Для обсуждения требований, – пояснил король, – пусть подъедут сюда лично.

Он отпустил испанца восвояси, даже не отдав приказ за

ним проследить. Зачем? Даже если мятежники и вели двойную игру, Генрих посчитал дело сделанным. Вскоре в Лондон придут те, кого следовало казнить. Их письма, секретные переговоры и великие планы разрушатся в одночасье.

– Ведь когда враг мертв, то он уже и не враг, – заключил Генрих.

Новый год обещал перемены к лучшему: король надеялся получить, наконец, наследника, мятеж будет подавлен без особых усилий, монастырские богатства окончательно перетекут в казну. Он с нежностью посмотрел на молодую жену – неприятности закончились, воспоминания о предыдущих браках ушли в прошлое вместе с неудачными женами, канув в лету.

Глава 2. 1537 год

1

Опять он опоздал. С письмом к Франциску Фредерико прискакал тогда, когда мятеж был полностью подавлен.

– Что ж за невезение такое, Матильда? – вопрошал он свою возлюбленную, положив голову ей на колени. – И тут я не успел. А главное, из-за меня казнили столько народу! Генрих обещал рассмотреть требования мятежников, а сам

хитростью заманил их в Лондон и прилюдно казнил. Всех, кто подписал письмо, которое я привез королю, повесили во дворе Тауэра. Проклятое место! И как казнили! – продолжал Фредерико взволнованно. – Снимали с веревки еще живыми, потом вынимали внутренности и четвертовали.

Матильда смотрела на испанца круглыми от ужаса глазами. Не то чтобы во Франции людей предавали смерти какими-то милосердными способами, но все-таки ей хотелось верить, что Франциск был чуть менее жесток.

– Некоторых, особенно не угодивших своим поведением королю, подвешивали на цепях, которые опутывали все тело. Несчастные умирали в страшных муках несколько дней!

– Тебе не стоит возвращаться в Англию, – пролепетала Матильда, – оставайся здесь.

На некоторое время Фредерико решил и в самом деле задержаться во Франции. Граф де Вилар писал ему из Лондона, рассказывая последние новости и выражая надежду, что его преданный слуга все же одумается и вернется. А Матильда надеялась, что испанец выполнит обещание и на ней женится. Пока же Фредерико выполнял поручения двора французского: королева не забыла его и всюю пользовалась умением Фредерико скакать без усталости на лошади из одного конца страны в другой. У нее всегда находились письма, которые следовало тайно кому-нибудь передать. Оплачивала она свои поручения щедро, и молодой человек с удовольствием удирал из очередного замка, в котором располагался двор

непоседливого короля Франции.

В конце лета Элеонора в очередной раз попросила Матильду привести Фредерико к себе. Король и его приближенные разместились в Фонтенбло. Перестроенный Францискском замок поражал великолепием. Английские замки больше не казались Фредерико лучшими в мире – за годы своего правления Франциск сумел возвести несколько строений, впечатлявших даже выдавших виды путешественников.

Отправляли с поручением Фредерико в Лондон.

– Не избежать мне этой страны, – жаловался он фрейлине, – но скоро там у короля должен родиться наследник.

– Или очередная наследница, – звонко рассмеялась Матильда.

– Или наследница, – согласно кивнул Фредерико. – Все равно будет интересно. Да и граф не собирается уезжать в такое время. Будут вершиться судьбы королевства, – заключил испанец высокопарно, процитировав предложение из последнего письма де Вилара.

– Я по тебе очень скучаю. Ты постоянно уезжаешь, – пожаловалась Матильда, – а сейчас еще и решил ждать родов английской королевы. Конечно, это куда лучше, чем сидеть со мной. Особенно если родится девочка.

– Почему? – не понял Фредерико путанной речи своей возлюбленной.

– Потому что Генриху, видимо, снова придется разводиться или отправлять жену на эшафот. Он иначе не умеет.

– Ааа! Нет, ты не права. Он обычно дает жене шанс родить нескольких детей. И вот, когда младенцы поумирают при родах или окажутся девочками, только тогда он приступает к аннулированию брака.

Они оба захохотали. Проблемы королей касались их постольку-поскольку и не воспринимались серьезно.

– Ладно, – заключил Фредерико, – перед отъездом я на тебе женюсь. – Он встал перед Матильдой на одно колено. – Стань моей женой, дорогая. Если, конечно, твоя королева и госпожа позволит тебе выйти за меня замуж, а мне уехать в Англию чуть позже.

Матильда запрыгала от радости и захлопала в ладоши.

– Нам разрешат пожениться, я уверена! Пойду, попробую поговорить прямо сейчас! – И она побежала к двери. – Жди меня здесь, никуда не уходи! – Юбки мелькнули и исчезли вслед за хозяйкой.

Фредерико почесал в голове: «Ладно, я ж не король Генрих. Женюсь один раз и навсегда», – пообещал он себе.

Конечно, Элеонора позволила своей фрейлине выйти замуж, а Фредерико немного задержаться во Франции. Она даже дала им хорошую сумму денег на свадьбу. Фредерико приглашать было некого. Его семья жила в Испании, немногочисленные друзья – в Англии. А вот у Матильды родственников хватало, и все они жили в одной деревне, неподалеку от Парижа. Это был достаточно знатный род, представители которого свысока и с презрением смотрели на испанско-

го жениха. Они считали, что, находясь при дворе, Матильда могла бы найти себе мужа и более высокородного, и более богатого. Впрочем, приданное дали – все-таки, опекала пару сама французская королева.

Так Фредерико, родившийся в Испании и пристроенный в юные годы служить королеве Екатерине Арагонской в Англии, женился на француженке, фрейлине королевы Элеоноры во Франции. Обе королевы были испанками, что объединяло всю компанию. Правда, Екатерины уж не было на свете, но это дела не меняло.

Молодая семья вместе пробыла недолго. Фредерико умчался на остров, где его заждались и граф, и те, кто вел переписку с французской королевой. Она активно обсуждала вопросы веры с теми, кто в Англии стоял на стороне католической церкви и Рима. Противоборствующие стороны объединял Генрих – он вовсе не собирался отречься от Библейских заповедей, позволяя себе лишь вносить небольшие, скромные правки в текст. Он же являлся и причиной раскола – земли и богатства, принадлежавшие церкви, ныне принадлежали ему. Из соборов и монастырей добро выносили мешками. Казна пополнялась, король радовался, а вот отдельные его вассалы негодовали.

Отчасти такая развеселая жизнь даже привлекала Фредерико. Испания и Франция потихоньку воевали, лишая себя радости разводиться с королевами, лишая принцесс права наследия престола, менять церковный устав, людей неугод-

ных попросту жечь на костре, четвертовать и вешать. Нет, все же последнее – многочисленные казни – происходили и на материке. Но как-то без должного задора и азарта. Рим тоже пытался принимать посильное участие в перетягивании на свою сторону то одних, то других, то третьих. Из всей троицы Англия оказывала папе самое ожесточенное сопротивление. Испанцы и французы, тем не менее, по очереди делали попытки подружиться с Генрихом, которому главное было не дружить с Римом.

Так рассуждал Фредерико, продвигаясь к проливу. В перерывах между размышлениями о политике, он вспоминал молодую жену и улыбался. Пока приключения представлялись ему чем-то необременительным. Даже смерть держалась в сторонке, занимаясь другими персонами. В те дни у нее было много дел: войны, казни, болезни не давали ей передышки.

Он прибыл в Лондон в начале октября. Церковную реформу, полным ходом идущую в Англии, начало затмевать событие более важное. Королева номер три должна была вот-вот родить. Король не стал заранее готовить турниры и празднества, но ему очень нравилась жена, он искренне к ней привязался и потому надеялся, что Джейн его не подведет и родит сына.

– Ты вовремя, – поприветствовал Фредерико де Вилар, – третье действие спектакля под названием «Жены короля» только начинается.

Джейн лежала вся в поту, ее била лихорадка и ей уже было все равно, кто там у нее родится – так плохо она себя чувствовала. А вокруг царила суэта: родился-то все-таки наследник престола, мальчик! Принцессе Елизавете было позволено навестить мачеху и теперь она сидела на низкой скамеечке возле Джейн, сочувственно держа ее за руку. Бэт, конечно, тоже обрадовалась тому, что у нее родился брат, но она видела, как мучается Джейн, и не могла не печалиться.

– Наши молитвы услышаны! – Генрих, еще больше поправившийся за последний год, вошел в спальню королевы. – И пусть наши враги увидят – Бог на стороне английского короля! – Он нагнулся к своей жене, словно и не замечая Елизавету, примостившуюся рядом. – Дорогая, выздоравливай скорее. Тебя ждет великолепный праздник в честь рождения наследника.

Джейн с трудом приоткрыла глаза и постаралась, собрав последние силы, кивнуть. На ее лице даже появилась улыбка. Она искренне была рада видеть мужа, которого сумела нежно полюбить. Пожалуй, Джейн единственная его не боялась и с легкостью терпела приступы плохого настроения. Но с ней у Генриха плохое настроение случалось редко. Внешне эта пара менее всего подходила друг другу: Джейн была невысокого роста, неброской внешности, и Генрих возвышался над

ней как скала. А вот по характеру, видимо, королю и нужна была кроткая, заботливая жена, не пытавшаяся вмешиваться в государственные дела, флиртовать с другими мужчинами и выказывать крутой нрав мужу.

Бэт вслед за Джейн тоже улыбнулась. Она положила головку на постель и смотрела на отца снизу вверх. Впервые после смерти матери окружающий мир начинал понемногу теплеть.

– Я тоже хотела бы пойти на праздник, – тихонько произнесла Елизавета.

Отец ее услышал. Он посмотрел на рыжеволосую дочку, которая как солнышко озаряла темную комнату королевы:

– Конечно. У тебя, наконец-то, родился брат. Это великое событие для всей Англии, для всех подданных. Ты сможешь присутствовать, Бэт.

Врач, стоявший в стороне, почтительно опустив голову, нервничал. Королеву следовало оставить в покое. Роды проходили тяжело, а после что-то пошло и вовсе не так, как должно было. Вторые сутки Джейн лихорадило, она потеряла много крови, и главное, ее состояние только ухудшалось.

– Я еще навещу тебя, – пообещал Генрих, решив, наконец, покинуть жену, – хочу посмотреть на сына. – Он повернулся к двери и снова заметил Елизавету. – Пойдем, не надо утомлять Джейн.

Бэт послушно встала со скамеечки. Напоследок Джейн легонько пожала ей руку. Девочка расправила платье и серьез-

но посмотрела на мачеху. Бледное, бескровное лицо королевы было почти неразлично на белоснежных подушках. «Дорогая Джейн, не умирай, – подумала Елизавета, – без тебя и мне, и папе будет очень плохо». Она тихонечко вышла из комнаты вслед за отцом.

– Где вы были, ваше высочество? – спросила обеспокоенная герцогиня, встретив Елизавету в одном из коридоров дворца. – Я вас ищу несколько часов. Вы не должны уходить одна и так надолго.

– Я навещала Джейн. Мне позволили посмотреть на брата и посидеть возле королевы. А после пришел отец и разрешил мне присутствовать на празднике, который он придумал провести в честь рождения брата, – быстро протараторила Бэт и сделала реверанс.

Пожилая герцогиня вздохнула. Она не могла заменить маленькой принцессе мать, да и не очень старалась это сделать. Но Леди Маргарет сочувствовала малышке и понимала, как той тяжело расти одной без матери, да фактически и без отца, который был занят куда более важными делами, чем общение с объявленной незаконнорожденной дочерью.

День проходил за днем, а королеве не становилось лучше. Елизавета оставалась во дворце и поэтому постоянно приходила к Джейн. Бэт привычно присаживалась возле кровати, брала мачеху за руку и сидела какое-то время молча. Говорить было не с кем: те, кто лечил и ухаживал за королевой, не обращали внимания на девочку, а сама Джейн практически

не приходила в сознание или была так слаба, что не могла вымолвить и слова.

Вскоре праздник в честь сына короля, названного Эдуардом, состоялся, несмотря на тяжелое состояние королевы. Генрих был уверен, что его жена поправится, и не желал обращать внимание на очевидное – Джейн умирала.

Она выбралась из своей комнаты. Врач был против, но королева должна присутствовать на чествовании ее сына, быть рядом с королем. Ее одели, причесали и, с трудом передвигая ноги, Джейн появилась в огромном зале, забитом людьми. Она, казалось, плыла над полом, едва касаясь его ногами. Она улыбалась запекшимися губами, кивала направо-налево тяжелой, постоянно болевшей головой, протягивала ледяную руку для поцелуев. По спине противными струйками протекали капли пота. Ноги подкашивались, ослабев от перехода из одного помещения в другое. Глаза старались разобрать мелькавшие лица, но тщетно.

Бэт Джейн заметила сразу. Это лицо она не могла не заметить, ведь видела она его все последние дни рядом, у постели. Преданный детский взгляд, в котором мелькал то ужас, то слезы, то радость от того, что ее, наконец, заметили. Королева кивнула девочке, та кивнула в ответ. Странное чувство возникло между ними – обе понимали то, что было известно, пожалуй, лишь им одним да еще Господу Богу. Остальные от этого знания были избавлены.

На торжестве присутствовал и придворный художник.

Ему велели не просто запечатлеть портреты короля и королевы, но изобразить их всех вместе, собравшихся в честь чествования Эдуарда. Ганс Гольбейн сидел в сторонке и делал наброски. Его больше всего привлекала фигурка Елизаветы – принцессы, не имевшей никаких прав на корону. В отличие от своей старшей сестры Марии она даже в четыре года выделялась из толпы серьезным взглядом и каким-то прямо-таки королевским поведением.

«Не простая девочка», – подумал Ганс и сделал набросок принцессы.

Генрих пребывал в прекрасном расположении духа. Он, казалось, не замечал состояния своей жены.

– Спасибо, дорогая за прекрасный подарок, – шептал он Джейн на ухо, – надеюсь, последует продолжение. Мы должны порадовать Англию детьми. Господь был благосклонен к нам. Наши действия находят поддержку свыше.

Джейн старалась понять, что ей говорит муж, но у нее не получалось. Все голоса, близкие и далекие, сливались в один постоянный, непрекращающийся гул. Она забывалась на некоторое время сладкой дремой, из которой ее выдергивал чей-то громкий голос или прикосновение руки Генриха. В такие мгновения королеве хотелось умолять их оставить ее в покое: «Я родила вам наследника престола. Я сделала все, что могла. И даже больше того, что могла. Позвольте мне удалиться. Тихо, никому не мешая, удалиться и немного отдохнуть».

Но ее никто не слышал. Только Бэт хотелось подойти чуть ближе и как-то поддержать мачеху. Она видела в ее глазах боль и страдания, но не понимала, почему они там поселились. Их взгляды иногда пересекались и две женщины посылали никому не ведомые сигналы. Маленькая ловила их и в бессилии что-то предпринять начинала покусывать ногти. Старшая с облегчением вздыхала, понимая, что хоть кто-то пытается ей сопереживать, и начинала кусать итак уже донельзя искусанные губы...

Долгий вечер подходил к концу. Генрих проводил жену в ее спальню, не пытаясь настаивать на близости.

– Дорогая, мы можем и подождать. Сын родился, и тебе стоит собраться с силами, чтобы произвести на свет других детей, – объявил он Джейн у входа в комнату, нежно прикасаясь губами к ее руке, – отдыхай. У тебя есть время.

Она вошла к себе и обессилено села на кровать. Фрейлины осторожно снимали с нее тяжелое, бархатное платье, украшения и заколки, крепившие замысловатую прическу на голове. С плеч спал немислимый груз, волосы рассыпались по спине и наступило долгожданное облегчение. Джейн мгновенно заснула, а врач обеспокоено дотронулся рукой до ее лба. Жар не спадал.

На следующий день ей стало хуже. Казалось бы, куда уж хуже? Но теперь глаза Джейн совсем не открывались, а рука, раньше отзывавшаяся на прикосновение Бэт, оставалась бессильно лежать на простыне. Жар спал, но телу это не при-

несло долгожданного облегчения, оно будто уснуло, перестав посылать сигналы вовне.

– Ваше величество, – к Генриху осмелился обратиться герцог Сеймур, дядя Джейн, – вам, наверное, следует навестить вашу жену. Она умирает.

Генрих с удивлением посмотрел на посетителя.

– Умирает? – переспросил он, словно его будили ото сна. – Вчера все было в порядке. Она присутствовала на торжестве, посвященном рождению нашего сына и чувствовала себя прекрасно. О чем вы говорите? – Генрих сердился. Что происходит? Жена, которая его устраивала во всем, собиралась покинуть этот мир в самый неподходящий момент! Разве он ее велел казнить? Отправить на эшафот? Аннулировать брак? Разве он был чем-то недоволен? Как можно выполнять приказ, который никто не отдавал?

– Врачи говорят, что ничего уже нельзя сделать. Она не приходит в сознание, – пробормотал герцог, пятясь к двери.

Генрих схватился за голову. Берет, украшенный пером и несколькими драгоценными камнями, соскользнул на пол. Странные видения начали появляться перед глазами короля: кровь, заполнившая серебряные кубки вместо вина, человеческие внутренности на круглых подносах, украшенных виноградной лозой, расширившиеся от ужаса зрачки, губы, которые продолжали шевелиться на лице обезглавленного, пальцы, которых на руке не пять, а шесть ...

Он очнулся и увидел валяющийся под ногами берет.

– Что я сделал не так? – спросил Генрих сам себя, и хорошо, что услышать его было некому. Да, впрочем, вряд ли бы кто осмелился ответить. – В обмен на сына я должен отдать ту единственную жену, которую действительно люблю. Король должен уметь расплачиваться, получив то, что необходимо его стране. Если на это воля Божья, я вынужден ей подчиниться, – Генрих с трудом встал и направился к двери. Снаружи его ждала смерть.

– Мы ничего не смогли сделать, – бормотали врачи, – так неожиданно. Она умерла только что, не дождавшись вашего прихода. Ей становилось лучше, – они пытались оправдать действия Всевышнего, не понимая, что их никто не слушает.

Король преклонил колени перед лежавшей на кровати женой. Она прожила всего две недели после рождения сына. Две недели, в течение которых ее чествовали, превозносили и называли лучшей из лучших.

– Ты выполнила свой долг и тебя забрали на небеса, – произнес еле слышно Генрих, – такова воля Божья. Не мне вступать с ним в спор.

Рядом сидит никем не замечаемая Бэт. Джейн – отчего-то – больше не – отвечает – ей. Джейн – больше не – смотрит – на Елизавету. Больше не – говорит – ни слова. Ее голова – на месте – и – не катится – по черному полу. Но – она – также как и мама – ушла – и – не хочет – быть – с Елизаветой. Елизавета – одна. Плакать – самое – простое. Больше – Бэт – ничего – не умеет...

– Меня похороните рядом с ней, – велит Генрих, – никто другой не сможет заменить мне Джейн. Когда я умру, похороните меня рядом, – повторяет он.

Глава 3. 1539 год

1

Со дня смерти Джейн прошло два года. Генриху настойчиво советовали снова жениться. Да и он, храня в сердце искреннюю признательность к жене за рождение сына, все же начал потихоньку смотреть по сторонам.

Разве король имел право долго придаваться своему горю? Разве король мог оставаться вдовцом? Нет. За ним стоит его королевство, которое настойчиво требует заключения выгодного для страны брака. Ближайшее окружение короля начало срочно искать невесту. О любви тут уже никто не говорил, но Генриху хотелось видеть рядом с собой особу не только подходящую Англии, но и располагающую к себе его самого. Он располнел, он грузен и высок. Ему бы женщину под стать – крупную телом.

– Нам выгоден брак либо с испанцами, либо с французами, – вкрадчиво втолковывал королю сэр Томас, – отношения со странами, которые, как и прежде, поддерживают Рим,

испорчены. И поэтому у Англии слишком много врагов.

Генрих слушал молча, не перебивая.

– Если ваше величество женится на католичке, да еще и близкой родственнице королю французскому или испанскому, мы сможем не опасаться, по крайней мере, одного из своих врагов. Положение наше станет более выгодным.

– Еще одну испанку? – Генрих вспомнил свою первую жену. – Нет! Мне не нравится характер испанских женщин. Они слишком упрямы и несговорчивы.

– Поискать кого-нибудь из француженок? – сэр Томас посмотрел на короля исподлобья. «Соглашался бы быстрее», – ему надоело уговаривать Генриха заключить нужный для королевства брак, найти невесту, которая будет не столько хороша собой, сколько необходима Англии с точки зрения политики.

– Хорошо, – король призадумался. – Тем не менее, – неожиданно громко продолжил он, – ищите девушку привлекательную. Не пойми на ком я жениться не собираюсь.

Задача, стоявшая перед Томасом Кромвелем, была не так проста. Слишком нелестная слава шла об английском короле по Европе. Три жены – уже сама по себе цифра большая. А тот факт, что все трое ушли из жизни, одна за другой, в очень короткий промежуток времени, так и вообще не прибавляла желания становиться четвертой. Конечно, последняя жена умерла сама по себе во время родов – никто ее не отравил, никто не отправлял на эшафот. Но кто ж будет задумываться

над подобными нюансами. Умерла – и дело с концом. Лишних голов на плечах у европейских невест явно не наблюдалось, ехать на остров желания никто не выказывал.

В какой-то момент показалось, что ситуацию может спасти, как ни странно, французский король. Франциск, прослышав о поисках невест для Генриха, намекнул, что не против породниться с англичанином. Франциску представлялась выгодной подобная партия, он всегда старался соблюдать в отношениях с Англией и Испанией некий баланс, не обещая вечной дружбы и преданности ни одной из сторон. Он испортил в очередной раз отношения с Испанией, и перспектива породниться с Генрихом стала ему представляться совсем уж радужной. Франция решила предложить ни много, ни мало пять невест. Все состояли в близком родстве с королем и могли составить прекрасную партию Генриху.

Все испортил англичанин. Несмотря на то, что сам Генрих был толстым, обрюзгшим, не очень здоровым, да еще и обладавшим пренеприятным характером, он желал выбрать такую невесту, которая ему понравится.

– Поэтому, – попросил передать французам Генрих, – пусть привезут всех пятерых девиц в Кале, а я выберу ту, что мне больше всех подойдет.

Франциск от такой наглости недолго приходил в себя. Он тут же сообщил представителям английского короля, что невест для Генриха у него больше нет.

– Французские женщины слишком хороши, чтобы терпеть

подобное унижение. Мы оказали честь, предложив его величеству прекрасных невест. Но они не кобылы, чтобы их осматривать перед свадьбой, – резко заключил Франциск, закончив обсуждение этого вопроса.

Подданные Генриха вернулись домой ни с чем, продолжив поиски невест в других странах – там, где, возможно еще существовали не боявшиеся эшафота и не очень гордые дамы. Одна такая нашлась. Звали ее Анна, и была она дочерью немецкого герцога Клевского.

– Она красивая? – спросил Генрих, нетерпеливо постукивая кулаком по креслу. – Пожалуй, надо отправить к ней художника. Пусть Гольбейн съездит и нарисует ее портрет. Вы сами-то сэр Томас на невесту смотрели? – скривив губы, обратился он к Кромвелю.

– Да, конечно, – заверил преданный подданный короля, вспомнив Анну, которая при знакомстве была одета в плотное, закрытое платье, скрывавшее очертания фигуры, а головной убор не давал толком разглядеть ее лица, не говоря уж о волосах, – красивая, – покивал Кромвель, – то, что надо.

Король вздохнул. Жениться нужно было срочно. Англия становилась островом не столько географически, сколько политически. Франциск и Карл опять начали сотрудничать, на время забыв старые распри, а Рим в очередной раз, проявляя завидное постоянство, отлучил Генриха от церкви. Англии не хватало сторонников. Короля вполне бы устроили и протестанты. Почему бы нет?

– Анна Клевская не умеет петь, не говорит ни на одном языке кроме немецкого, не танцует и не ведет светские беседы, – громко прочел Генрих. – Кроме вас, сэр Томас, Слава Богу, существуют и другие люди, которые могут доставить мне информацию. Что вы на это скажете?

Кромвель откашлялся и промокнул выступивший на лбу пот. С королем шутки плохи, и он старался об этом не забывать: эшафот, костер и всякие прелести, поджидавшие человека в Тауэре, не давали расслабиться.

– Да, воспитана девушка в строгости. Она скромна и застенчива. Но разве это так плохо? Прибыв в Англию, Анна быстро выучит язык и освоится при дворе.

– Она уже была помолвлена. С этим фактом что делать? – настаивал король.

– Мы знаем точно – помолвка давно официально расторгнута. Все в порядке.

– Я буду ждать портрет, – и Генрих велел накрывать на стол. Ел он часто и помногу. Разговор был окончен. Гольбейн отправился рисовать невесту...

Художник старался, как мог. Отпуская его в Германию, Кромвель строго велел изобразить Анну в лучшем свете. И нельзя сказать, что она была нехороша собой, но на всякий случай Гольбейн все-таки придал ей некоторое, едва уловимое сходство с предыдущими женами короля, смягчил некоторые черты лица и добавил мягкости и кротости во взоре.

Увидев портрет, Генрих пришел в восторг.

– То, что надо! – воскликнул он. – Везите ее в Англию.

В декабре Анна прибыла в Кале, где встречавшие ее англичане, снова сошлись на том, что она хороша, воспитана и очень мила. Генрих не мог откладывать встречу с невестой и тайно поехал в Рочестер.

Из отведенной для свидания короля и его будущей жены комнате все вышли – пару оставили наедине. Но говорить им было решительно не о чем, да и при всем желании невозможно: Анна не говорила по-английски, а Генрих, хоть и слыл полиглотом, не снизошел до беседы по-немецки. Невеста ему не понравилась и, просидев с ней вместе около часа, он вышел из комнаты с твердым намерением помолвку расторгнуть.

– Вы обманули меня! – кричал король, обрушивая свой гнев на всех, кто был рядом. – Эта страшная кобыла не мила и не прелестна! Она молчит, словно глупая корова! Я на ней жениться не стану!

Король напоминал маленького ребенка, которому подарили неудачную игрушку. Кромвель кусал губы: расторгнуть помолвку и вернуть невесту обратно на родину означало нанести себе еще одного смертельного врага. А врагов вокруг было и так предостаточно.

– Нам она понравилась, ваше величество. Может быть, вам стоит попытаться присмотреться к этой девушке получше. Брачный договор подписан. Если мы вернем Анну назад, то скандал неминуем.

– Ладно, я попробую к ней привыкнуть, – Генрих понимал, что отделаться от не понравившейся невесты так просто не удастся. – Хотя она не только похожа на кобылу, но от нее и пахнет ужасно, – добавил он передернув плечами, – если я не смогу выполнить свой долг в постели, вам все равно придется подумать о том, как меня с ней развести. Так что лучше подумайте об этом заранее.

2

После того как Матильда исчезла, Фредерико практически не улыбался. Как рассказывали родственники, она пропала, уехав к нему в Испанию. Якобы, приехал какой-то человек от Фредерико и сказал Матильде, что ей надо ехать к мужу. На самом деле Фредерико понятия не имел, кто и зачем приезжал к его жене. Он искал ее везде, где мог, но следы Матильды терялись еще во Франции. До какого-то места Фредерико понимал, где она проезжала, но очень скоро ниточка, которая вела его к цели, обрывалась, не оставляя даже лучика надежды.

– И зачем она туда поехала? – не переставая, задавал себе вопрос Фредерико. – Послушала непонятно кого.

Прошел год. И в момент, когда Генрих разочарованно смотрел на свою очередную невесту, Фредерико снова приехал в Англию. Граф де Вилар встречал его в Лондоне.

– Представь себе, Генрих в четвертый раз женится! – вос-

кликнул при встрече. – Поговаривают, жена ему не понравилась. А что делать? Вернуть назад не получилось.

– На эшафот, – проговорил Фредерико, – и ее туда же. Или в монастырь. Или еще куда-нибудь, – он безучастно перечислял методы избавления от королевы.

– Что-то мне не нравится твое настроение, – де Вилар нахмурился, – ты так и не нашел Матильду? Ты был в Испании?

– Да, она ехала в Толедо, в дом моих родителей. Так, по крайней мере, мне сказали ее родственники. Но до Толедо Матильда не доехала. То есть даже до самой Испании, не знаю, добралась ли, – Фредерико устало махнул рукой.

– Но зачем было кому-то отправлять ее в Испанию, не пойму, – удивился граф. – Странный поступок. У тебя есть враг? Кто-то, кто хочет причинить тебе боль, отомстить?

– Скорее всего, есть, – кивнул Фредерико. – Я несколько лет выполняю поручения разного толка. С моей помощью отправляют тайные письма, которые я развожу чуть ли не по всей Европе. Оплачиваются мои услуги очень хорошо, но вот только не из-за них ли пропала Матильда?

– М-да, – промычал граф, не отягощенный ни женой, ни детьми, – я всегда думал, что все эти тайные поручения могут выйти боком тому, кто их выполняет. Впрочем, подобные мысли никогда не мешали мне продолжать делать свою работу.

Фредерико тяжело вздохнул:

– Ладно, оставим этот разговор на время. Что происходит

в Англии? Зачем вы хотели меня здесь видеть?

– Англия, как всегда, сама по себе. Тут всем плевать на то, что думает Европа. Генрих задумал жениться и перебрал почти всех достойных невест из Испании и Франции. Некоторых весьма смущала его репутация. Иметь трех жен, из которых две умерли явно не своей смертью. В итоге невеста прибыла из Германии, а он и ею не доволен.

– Что так?

– Говорят, счит ее некрасивой и дурно пахнувшей. Даже не может выполнять свой супружеский долг. Ходят слухи, она так и осталась девственницей. Но все остальные от королевы в восторге. У нее спокойный, дружелюбный характер, и она в прекрасных отношениях с детьми Генриха.

– И с Марией? – удивился Фредерико, помня о пренебрежительном характере старшей дочери короля.

– Представь себе, и с ней. Она возится с маленьким Эдуардом и играет с Елизаветой. А с Марией ведет беседы на религиозные темы. Та хочет превратить мачеху в истинную католичку. Королеве, по-моему, все равно.

Граф задумался. Он внимательно посмотрел на своего слугу. Не провалит ли он очередное поручение, если все его мысли заняты пропавшей женой? С другой стороны, муж, разыскивающий свою жену, не вызовет подозрений, разъезжая по всей Испании.

– Итак, – де Вилар хлопнул Фредерико по плечу, – думаю, ты не будешь возражать против того, чтобы отправиться в

Толедо? Потом, скорее всего, надо будет съездить и в другие места. Заодно, попробуй разыскать Матильду в самой Испании.

– Вы отправляете меня на родину? Когда вы сами были в Испании в последний раз? – поинтересовался Фредерико.

– Давно, – признался граф, – но я привык жить в Англии и не хочу отсюда уезжать. Если только иногда во Францию. Не более. А ты передашь письмо моему другу Альеро де Альйо. Расскажи ему о Матильде. У него много знакомых повсюду. Вдруг удастся что-то разузнать.

– Спасибо, – искренне поблагодарил графа Фредерико, – хотя надежды найти Матильду осталось мало. Я уже почти смирился с тем, что потерял ее навсегда.

Некоторое время испанец оставался в Лондоне. Он ждал, когда граф даст ему последние указания, касающиеся поездки в Испанию. При дворе английского короля мало что менялось. Пожалуй, чаще всего менялись жены, да еще становился все толще король. В отличие от высокого, но не полного Франциска и, уж тем более, в отличие от худощавого Карла, Генрих возвышался над окружавшими его людьми, как скала. Правда, ему все труднее было ходить, все реже он выезжал на охоту, все реже устраивал турниры. Новая жена не прибавила ему прыти.

«Найдет в итоге себе новую, – подумал Фредерико, – не тот человек Генрих, чтобы терпеть нелюбимую жену».

В начале 1540 года он покинул Англию. Плыть предстоя-

ло к берегам Испании. Привычная дорога через Дувр в Кале сменилась на путь, лежавший через море напрямую к цели путешествия. Фредерико был рад снова не заезжать во Францию. Там все ему напоминало о любимой Матильде. Да и море обычно его отвлекало от грустных мыслей, обуревавших Фредерико во время путешествия по суше. Море редко бывало спокойным, волны и ветер мешали предаваться горьким раздумьям.

Так, Фредерико пустился в плавание на одном из торговых кораблей, державших курс через Испанию в Африку. Приняли его на борт по рекомендательному письму, написанному графом, так как запросто брать с собой незнакомых людей у торговцев принято не было. Несмотря на письмо, они смерили Фредерико подозрительным взглядом, но пустили на корабль, велев не совать нос не в свои дела и сидеть тихо, чтобы там ни происходило во время плавания.

Корабль пустился в плавание в феврале, и погода вовсе не желала путешествующим удачи. Штормило, проливной дождь заливал палубу, а на небе не было видно ни единого просвета. Лишь черные тучи нависали над темно-синим морем, изрыгавшим из себя пену, водоросли и бог еще знает что.

– Никто не подумает, что в такую погоду ты поплывешь на корабле. Тебя будут ждать во Франции, – предупредил де Вилар. – Мы обманем всех, кто готовится к встрече. Путь предстоит непростой и долгий. Но торопиться нам не следу-

ет. Главное, довести бумаги до адресата.

– Боюсь, пропущу тут в Англии очередной развод короля, – невесело пошутил Фредерико. – Передайте Генриху, чтобы потерпел жену подольше.

– Предам, – рассмеялся граф, – поезжай спокойно. Тут тебе беспокоиться не о чем. В Англии жизнь будто застыла. Видимо, все свои войны они пока отвоевали, казнили, кого могли и предоставляют действовать остальным. Никто им не указ.

Испанцы Генриха недооценивали, но даже и не догадывались насколько...

Глава 4. Июль, 1540 год

1

Странное было время. С одной стороны, ей стало интересно. Люди приобретали лица и характеры, к ним у нее вырабатывалось собственное отношение, чувства окрашивались в разные цвета, и постепенно из жизни исчезал серый. Но с чем-то Елизавете все равно было сложно справиться. Например, с быстрым исчезновением жен отца. Не успела она успокоиться после смерти Джейн, как при дворе появилась Анна. Крупная, высокая женщина обладала приятным характером

и быстро подружилась со всеми вокруг, включая Бэт. Пышной свадьбы не было, но не в свадьбе же дело.

Прошло всего полгода, и очередная мачеха, хоть и не умерла, но перестала быть папиной женой. Елизавета начала путаться. Она не понимала, почему отцу больше не нравится Анна. Бэт и не подозревала, что жена не нравилась Генриху с самого начала, и он пытался от нее избавиться еще с момента знакомства. Прошло шесть месяцев – повод развести короля с его женой нашелся. Как обычно, главную скрипку сыграл Томас Кромвель.

– Итак, мы добились развода на том основании, что Анна Клевская была уже обручена несколько лет назад. А также на том основании, что брак должен считаться недействительным – король не лишил ее девственности. Он не может выполнять свой супружеский долг, а значит в браке не появятся дети. Королю нужна другая жена, с которой он сможет иметь детей.

Все покивали и согласились. Генриху же вообще было на формулировку наплевать. В последнее время он все больше и больше мучался из-за болей в ноге, и в такие моменты бывал в страшном гневе, обрушивая его окружающих его людей.

Оставалось только получить согласие королевы. Ей предлагались прекрасные условия, по крайней мере по сравнению с эшафотом. То, что огласил ей сэр Томас, привело Анну в восторг.

– Вам предлагается стать любимой сестрой короля, передается один из королевских дворцов для проживания, щедрое содержание и штат прислуги, – перечислял Кромвель.

«Любимой сестрой» в свое время не захотела становиться первая жена Генриха, настаивая на том, что их брак был законным. Но Анна сопротивляться не стала – сестра, так сестра. Ее ставили в один ряд с ближайшими родственниками короля. Первой после его следующей жены и дочерей. Неплохое место. Весьма почетное.

И Елизавета смирилась с неизбежным: Анна остается живой и невредимой, не уезжает из Англии, продолжает приезжать в Хэтфилд Хаус навещать Бэт.

– Мне здесь понравилось, – объясняла Анна свое нежелание возвращаться на родину, – люди приветливые, много развлечений, красивой одежды и украшений, – она говорила немного коверкая английские слова, но в целом понятно и правильно. – И я привязалась к тебе, – потрепала новоявленную сестра короля Елизавету по щеке, – и к Эдуарду.

Против общения бывшей жены со своими детьми Генрих ничего не имел. Поэтому для них с разводом практически ничего не изменилось. Но Елизавете стало все-таки не по себе. Ей хотелось постоянства, которого никак не хватало. Она от всей души полюбила маленького брата – единственную память о Джейн, и проводила с ним все время, что могла. Бэт и сама еще была мала, но боль утраты так глубоко поселилась в сердце, что она пыталась всеми силами показать

Эдуарду, как его любит.

Тогда в июле не стояло обычной несносной жары, и дети много времени играли в саду. К ним часто приезжала Анна, которую уже, пожалуй, любил весь двор, за исключением короля, конечно. Хотя, и Генрих тоже с удовольствием начал общаться с бывшей женой.

– В качестве сестры она меня вполне устраивает, – говорил он. – Хорошая, добропорядочная женщина. С ней бывает интересно поговорить. Но любить я ее не могу.

За труды тяжкие сэру Томасу пожаловали титул графа Эссекса: за организацию развода с Анной Клевской он получил от короля неслыханную награду. Он поднаторел не только в аннулировании браков, но и в умелом обращении с Генрихом. Стараясь не перечить королю, сэр Томас в тоже время умудрялся проталкивать собственные идеи, получая от этого немалую выгоду.

Потихоньку Елизавета начинала читать. Ее обучали сразу трем языкам: родному английскому, французскому и латыни. Она все схватывала на лету и с легкостью, удивлявшей в шестилетней девочке, читала сложные тексты.

– Давай поиграем, – как-то предложила Анна. – Оставь книжки. Я и сейчас, сказать по правде, читаю с неохотой. В твоём возрасте я столько не училась. Я вообще не училась в твоём возрасте, – «сестра» короля расхохоталась.

– Что же вы делали? – удивилась Бэт. – Постоянно играть неинтересно. Я играю с Эдуардом, потому что он – малыш.

Ему и трех лет пока нет. Думаю, в три года я тоже с удовольствием играла.

Анна покачала головой и нежно провела рукой по рыжим волосам принцессы. Ей хотелось пожалеть Елизавету, но почему-то девочка жалости не вызывала. Она не казалась несчастной и забитой. В Бэт чувствовалась сила ее отца, стальной стержень, поддерживавший это маленькое тельце, облаченное в тяжелое бархатное платье, не дававший согнуться под ударами, которые сыпались на ее головку.

– Меня воспитывали не так как тебя, – снова заговорила Анна. – У меня было мало возможности общаться с другими людьми, я не читала и не играла на музыкальных инструментах, не танцевала. Мои платья, Бэти, не были такими прекрасными.

– Должно быть это ужасно скучно – так проводить свое детство, – Елизавета сжала губы и посмотрела на бывшую мачеху глазами, которые, казалось, видели ее насквозь.

– Нет. Я же не знала, как еще можно проводить детство. Но я много играла, гуляла по парку. А иностранный язык, как видишь, можно выучить и будучи взрослой.

– У меня уже получается неплохо писать стихи, – похвасталась Бэт, меняя наскучившую тему. – Я пишу на латыни, потому что этот язык мне нравится больше других.

– Но зачем он нужен? – пожалала плечами Анна. – На латыни давно никто не говорит.

– Вы все-таки ничего не понимаете, да? – Иногда беседуя

с Анной, Елизавета начинала понимать, почему отец с ней расстался. Правда, вряд ли бы она смогла это четко выразить словами, но где-то в глубине души Бэт решение Генриха оправдывала. – Разве так важно, что никто на этом языке не говорит? На нем написано столько книг! Их же надо как-то читать, – втолковывала она Анне, словно шесть лет тут было «сестре короля».

Неподалеку на лужайке вместе с няней играл Эдуард.

– Пойду к ним, – показала в их сторону Анна.

Она встала со скамейки и направилась к принцу. Бэт взяла в руки на время отложенную книгу. Но сосредоточиться на ней не смогла. Она вспоминала вчерашний день, когда к ней в гости привезли Роберта Дадли. Вот он ее понимал хорошо, хоть и не был взрослым. Они виделись редко, но каждый раз были рады видеть друг друга и с удовольствием начинали разговаривать. Когда-то Бэт и Роберт вместе играли. Теперь они говорили о книгах, о музыке и дальних странах.

Елизавета вздохнула. Она снова попыталась начать читать. Перед собой вместо лужайки Бэт видела бушующее море, большие корабли, идущие навстречу друг другу. В воздухе вместо запаха цветов стоял запах гари. Палили пушки, поверженные корабли были объаты пламенем. Люди бежали по палубе и бросались в воду, отчаянно пытаясь спастись. Слышались крики и треск разламывающегося дерева...

– Ага, вот ты где спряталась! – громкий голос отца неожиданно ворвался в сознание Бэт. Она подняла голову и увиде-

ла его прямо перед собой.

– Извините, отец, я не заметила, как вы подошли, – проговорила Елизавета, спешно сползая со скамейки, чтобы сделать реверанс.

– Мне сказали, ты делаешь успехи. – Генрих взял у Бэт книгу и с интересом пролистал несколько страниц. – Тебя интересуют морские битвы?

Елизавета кивнула. Отец возвышался над ней, как огромная гора, но ей страшно не было. Она знала, что у него теперь постоянно болит нога из-за раны, полученной во время охоты. Бэт показала пальчиком на больное место:

– Как ваша нога? Болит?

Генрих взял Бэт под мышки, поднял в воздух и поставил на скамейку. Теперь они стали почти одного роста. Посмотрев ей прямо в глаза, король произнес:

– Иногда болит. Рана никак не заживает. Но есть боль, которая гораздо сильнее, и она поселилась в моем сердце.

– А ее можно вылечить? – Бэт хотелось погладить отца по голове, но она полагала, что так делать нельзя. По голове гладят детей, а не взрослых, тем более королей.

– Нет. Я сделал много плохого и неправильного, Бэтти. Ничего нельзя исправить, потому и болит сердце. – Он резко опустил Елизавету на землю и пошел прочь. Высокая, крупная фигура отца еще долго не исчезала из виду, мелькая между деревьями парка.

Неожиданно Бэт почувствовала, как и у нее заболело

сердце. Ей захотелось догнать отца, сказать, как она его любит, и все-таки погладить по голове. Пусть он король, не ребенок и очень большой. Взрослых королей тоже нужно иногда кому-нибудь жалеть. Она вздохнула и побрела во дворец. Скоро должен был начаться урок музыки.

На скамейке осталась лежать книга о великих морских сражениях. На лужайке Анна играла с Эдуардом, который рос хилым и слабым мальчиком. Вот и сейчас он тихонько сидел в тени, отбрасываемой раскидистым дубом. Генрих ненадолго остановился возле сына и покинул дворец.

– Как дела у вашего высочества? – поинтересовался учитель музыки.

– Спасибо, хорошо, – ответила Бэт.

– Что нового вы узнали за те дни, что мы не виделись?

– Я узнала, как болит сердце, – серьезно сказала девочка. – Оказывается, оно у меня болело и раньше, а я думала, что болит душа. Мне просто никто не говорил, что это сердце.

– По-моему сердце и душа находятся в одном месте, – задумчиво произнес музыкант.

– Может быть, вы и правы, – Бэт устроило такое объяснение, и она начала открывать ноты.

2

Нет, он не мог ее найти. В какой-то момент Фредерико подумал, что ему вся предыдущая жизнь привиделась. В са-

мом деле, он лишь скачет из страны в страну, или плывет на корабле, или идет пешком, закинув за плечи мешок. У него нет дома, нет семьи и друзей – только дорога, звезды, небо и солнце, а чаще, к сожалению, дождь и ветер. Почему ему редко везло с погодой? Наверное, Господь редко благословлял его в путь. Потому что редко его миссия бывала благо-родна.

Вначале, когда он помогал первой жене Генриха, Фредерико искренне верил в чистоту помыслов тех людей, которые его отправляли туда-сюда с тайными посланиями. Позже он узнал, что далеко не всегда их целью была помощь Екатерине. Но Фредерико смирился, получая за свои услуги неплохие деньги, и перестал задумываться над тем, что везет в очередной раз.

Теперь же он сидел в грязной, богом забытой таверне в одном из самых отвратительных кварталов Толедо. Де Вилар велел ему ждать некоего человека, который разузнал кое-какую информацию о Матильде. Фредерико не верил в удачу, просто потому что не верил уже вообще ни во что. Он понуро ковырял ложкой в миске, наполненной вонючей жижей, которую хозяин называл супом. В темно-коричневой похлебке плавали пара бобов и жилистый кусок мяса.

– Эй, парень, не меня ли ты ждешь? – здоровый мужичина плюхнулся за стол к Фредерико. – Хозяин, принеси кувшин вина, – гаркнул он в сторону, – и хлеба.

– Вы от графа? – спросил равнодушно Фредерико. Он не

сомневался, что посетитель пришел на встречу именно с ним – в таверне просто-напросто больше никого не было.

Мужчина кивнул, отхлебнул вина и отправил в рот кусок хлеба:

– Мне поручили кой-чего узнать для тебя. Ты ведь ищешь женщину из Франции?

– Она не женщина из Франции, она – моя жена, – поправил Фредерико.

Не переставая жевать, мужчина хмыкнул и продолжил:

– Матильда в Испании.

– Где? – встрепенулся Фредерико. – Не может быть! Где она? В каком городе? Я искал ее здесь повсюду.

Его собеседник спокойно выпил еще вина. Потом посмотрел прямо ему в глаза.

– Она добралась до Испании, и кто-то ей сильно в этом помогал. Кто вывез твою жену обманом из Франции, и кто привез сюда, я выяснить не смог. Но этот незнакомец очень богат и знатен. На всем их пути из Франции в Испанию пахнет деньгами, – мужчина повел носом, словно надеясь учуять запах денег в таверне.

– И где же Матильда? – Фредерико готов был задушить здоровяка, если тот будет рассказывать всю историю так долго.

– Она не в Толедо, – процедил тот сквозь зубы и оглянулся. Впрочем, в пустой таверне их никто не слышал. – Она в Кадисе.

– Что она там делает! – воскликнул Фредерико. – Я сейчас же еду за ней!

Мужчина привстал и хлопнул его по плечу:

– Погоди. Не торопись. Граф велел узнать, кто ее там держит. Мы узнаем и только тогда сможем действовать.

Из таверны Фредерико вышел, едва держась на ногах. Но не от усталости у него подгибались колени, а от волнения, бессилия и злобы на самого себя. Он согласился ждать, оставаясь в Толедо в ожидании дальнейших указаний графа. А ведь по-хорошему надо бы скакать в Кадис и разыскивать Матильду, несмотря ни на что и ни на кого.

Однако и в этот раз Фредерико подчинился обстоятельствам. Он побрел к дому, вспоминая о том, как впервые познакомился с Матильдой. Тогда ему казалось, он может все, судьба на его стороне и все складывается как нельзя лучше. Его не смущало отсутствие денег, неопределенность сложившейся ситуации. Перед ним стояла красивая девушка, фрейлина французской королевы, а остальное не имело значения.

Вскоре граф отправил Фредерико в Англию с очередным заданием. Чьи интересы преследовал де Вилар, для него оставалось загадкой. Судя по тому, когда и куда посылали Фредерико, граф играл на стороне французов, пытавшихся поссорить Генриха и с испанцами, и с Римом. Письма испанец передавал некоему высокопоставленному лицу из окружения короля. Кто это был, Фредерико мог только догадываться – с ним встречался человек в маске и надвинутой на

глаза шляпе.

В июле Генрих умудрился аннулировать очередной брак, отношения с Римом окончательно испортились, хотя, казалось бы, куда уж им быть хуже. Но принимаемые английским королем решения, которые он даже не пытался согласовать с папой, продолжали вызывать гнев. Как догадывался Фредерико, граф развитием событий был вполне доволен. Единственное, что оставалось загадкой, так это то, кто будет следующей женой любвеобильного короля. За тем, видимо, и отправляли Фредерико в Англию – указать на выгодных для французов персон женского пола.

Конечно, мысли о Матильде не оставляли, но граф пообещал узнать все, что возможно.

– Гийом, с которым ты встречался в таверне, знает свое дело, – заверил Де Вилар. – Видишь, он сумел проследить весь путь Матильды от ее дома до Кадиса. Что, кстати, оказалось не таким трудным делом. Многие запомнили богатого вельможу, с которым путешествовала красивая француженка.

– Но зачем, зачем она с ним поехала? – опять задал мучивший его вопрос Фредерико.

– Тебе же уже объяснили ее родственники: человек сказал, что он от тебя. Она поверила и поехала. Женщины часто ведут себя простодушно, – хмыкнул граф.

– Если он ее обманул, то что он хочет? – недоумевал Фредерико. – Держат Матильду в Кадисе давно. От меня ничего

не требуют, и ее не отпускают. Не пойму.

– Вот это и постарается разузнать Гийом, – терпеливо толковывал де Вилар. – Тебе там появляться рискованно. Этот человек может тебя знать в лицо. Он испугается и неизвестно, что предпримет.

Оставалось только согласиться с доводами графа. Привычным путем Фредерико поскакал в Париж забрать письмо, и затем – обратно в Лондон. На этот раз Ла-Манш не штормило. Без всяких преград он добрался до конечной цели своего путешествия. В Лондоне только и говорили о разводе короля. Как понял Фредерико, Анна понравилась всем, кроме Генриха. А ведь жену искали ему долго: ни французские, ни испанская принцессы ни в какую не соглашались выходить замуж за английского короля. Прямо скажем, картина складывалась ужасная. Не все в этом винили самого Генриха – многие перекладывали ответственность на проклятие, витавшее над родом Тюдоров.

– Говорят, – делился с Фредерико случайный знакомый, остановившийся на том же постоялом дворе, – их власть не может быть крепка, потому что получили они корону нечестным путем. Тюдоры – незаконные наследники престола, – шептал он на ухо Фредерико, оглядываясь по сторонам. – Господь не дает Генриху сыновей, потому что не хочет, чтобы они продолжали править страной. Да еще и проклят ведь наш король папой. И не единожды. Ему хоть бы что: он под защитой дьявола. А вот жены его умирают одна за другой. И

дети тоже, – пьяный собеседник откинулся на стуле, довольный произнесенной речью.

– Но последняя жена осталась в живых, – заметил Фредерико.

– Она – немка. Говорят, их так просто не сживешь со света. И потом, бывшая королева согласилась стать сестрой короля и особенно с ним не спорила. Так что ей достался дворец, деньги и положение при дворе. Впрочем, кто знает, что ее ждет дальше.

«Интересно, что пишут по этому поводу в письме из Парижа», – задал сам себе вопрос Фредерико. Его так и подмывало открыть послание и прочитать его содержимое. Все эти годы он сдерживал себя, как мог, не без оснований полагая, что незнание отчасти делает его жизнь более безопасной: «Ignorance is blessing»⁴.

Вернувшись после ужина к себе в комнату, он достал из-за пазухи сложенный листок бумаги, запечатанный большой сургучной печатью. Покрутил его и так, и эдак. Поднес поближе к свечке. Ничего не просвечивало сквозь плотную бумагу. Отрывать печать Фредерико не решился: удастся ли снова ее прилепить обратно, он не знал, так как никогда не пытался такое проделать.

– Сначала попробую запечатать обычный лист бумаги. Потом отлеплю и попробую прилепить снова. Вот так и выясню, заметно ли будет, что письмо читали.

⁴ Аналог русской поговорки: «Меньше знаешь, лучше спишь»

Почему Фредерико вдруг захотелось начать читать послания, которые он перевозил, ему самому было непонятно. Но желание прочно засело у него в душе, не отпуская. «И что мне за дело? – размышлял он ночью, ворочаясь с боку на бок, – Какое мне дело до всех этих королевских дел? Спокойно возил эти письма, а тут вдруг решил почитать, что они там пишут».

Так он и заснул под утро, не догадываясь, что порой нашими поступками руководит сам Господь, направляя их туда, куда мы иным путем никогда не попадем.

Светало. Скоро в Англии должна была появиться новая королева. Пятая жена Генриха восьмого, третья мачеха для Марии, Елизаветы и Эдуарда.

Глава 5. 1540 год. Продолжение

1

Одна рука дает, другая отбирает. Если бы только на этом король остановился. Но в странном порыве наказать Томаса Кромвеля он пошел гораздо дальше: Генрих его просто-напросто казнил. То есть, сначала, как это принято, посадил в Тауэр, а потом уже отрубил голову. Всем такой поступок казался странным, но если бы Фредерико читал письма, ко-

которые он привозил из Франции в Англию, он легко смог бы объяснить, что произошло. Впрочем, до поры до времени, испанцу подобное в голову не приходило.

Новоявленный граф Эссекс умолял короля его помиловать, но вокруг сновало слишком много врагов, заинтересованных в том, чтобы сэра Томаса убрали.

Елизавета помнила, каким был тогда отец. Он весил сто сорок килограммов, а то и больше, потому что ел часто и много, ни в чем себе не отказывая. Генрих с трудом двигался, но в то время еще ходил сам. У него страшно болели ноги, особенно та, на которой никак не хотела заживать рана. Он стал гораздо раздражительнее, чем раньше, из-за постоянной, не утихающей боли. Его голос пугал окружающих теперь не потому что грохотал, как волны, обрушивающиеся на берег во время шторма, а потому что гнев короля превратился в неконтролируемый поток, готовый смести со своего пути всякого. Бэт отца, как и прежде, не боялась. Она его жалела...

– Кромвель, – Генрих поднял тяжелый взгляд на герцога

Норфолка. – В чем мы его обвиняем? Он находится в Тауэре и ждет суда. Надо что-то решать.

– Если ваше величество так распорядится, то Кромвеля казнят без суда и обвинительного приговора, – вкрадчиво произнес герцог. – Зачем устраивать суд, если граф Эссекс все равно будет твердить, что невиновен?

Нога заболела сильнее, чем обычно. Королю хотелось закончить надоевшую беседу, как можно быстрее.

– Он подобрал для вас неподходящую жену, – продолжал Норфолк.

– Он же исправил собственную ошибку. Кромвель нас развел, – Генрих, с трудом поднявшись из огромного кресла, пересел к столу.

– Сначала подобрал жену, а потом с ней развел. Не кажется ли вам такой поступок странным? Стоило ли изначально настаивать на этом браке? Это же была его идея.

Генрих, постанывая то ли от удовольствия, то ли от боли, вонзил зубы в сочный кусок мяса. По массивному подбородку потек жир. Он капал на рубашку, но король не обращал на это ни малейшего внимания.

– И потом, – не унимался Норфолк, – слишком уж он рьяно проводит церковную реформу. Не много ли денег скопилось в его собственных карманах? И не слишком ли он настаивает на реформировании? Англия не отказывается от католической веры, мы только перестали признавать единовластие папы, – герцог откашлялся, – потому что единственным

указом нам служит ваше величество.

Генрих продолжал есть. В полной мере наслаждаться пищей ему мешал продолжавший говорить герцог. «Надо выставить его за дверь», – подумал король.

– Хорошо. Мы велим казнить Кромвеля без суда. Мне вполне достаточно того, что вы сказали для вынесения приговора, – Генрих протянул руку за следующим куском. – Идите.

– Простите, ваше величество, прежде чем я покину вас, осмелюсь обсудить еще один, на сей раз последний вопрос, – Норфолк согнулся перед королем в три погибели. – Простите, что мешаю, но он не отнимет много времени.

Король вздохнул. Дела государственные превыше всего.

– Говорите, – Генрих взял в руки серебряный кубок с вином и громко икнул, – только быстро. У меня есть и другие дела.

– Конечно, – герцог успел к тому времени разогнуться, но не счел для себя за труд поклониться снова, – я о вашей новой жене...

– Вы заблуждаетесь, – загоготал король, – я на днях развелся с Анной Клевской и просто не успел жениться вновь. Времени было мало, – он продолжал икать, пить вино и смеяться.

– Я заметил, ваше величество, что вам нравится моя племянница, Кейт, – осторожно проговорил Норфолк. – Она составила бы вам прекрасную партию.

Генрих вспомнил очаровательную, юную девушку, фрейлину его бывшей жены. Ее карие глазки всегда ярко блестели, она мило улыбалась, когда принимала подарки от короля и искренне его благодарила. Эдакое чудное дитя! Король непроизвольно заулыбался, и неожиданно икота прекратилась. Приняв это за доброе знамение, он покивал:

– Да, Кейт мне нравится. Это правда.

– Почему бы вашему величеству не взять ее в жены? Моя племянница прекрасно воспитана и ее родословная весьма благородных кровей.

Тут королю пришла в голову неприятная мысль: Кейт Говард не только приходилась герцогу племянницей, она еще и была кузиной второй жены Генриха. Как только он представил себе Анну Болейн, его рот скривился в горькой усмешке.

– Кейт скрасит вам одиночество. Она молода, красива и неиспорченна. Моя племянница будет верной и преданной женой, – герцог не отставал. Цель женить короля на родственнице придавала сил и смелости. Тем более, он видел, что Генрих колеблется. Он побоится брать в жены еще одну невесту из Европы. Опять подсунут невесть кого. Одной любимой «сестры» королю вполне достаточно. Пускаться в путешествие, чтобы посмотреть на товар лицом, Генрих не сможет. Слишком уж он стал для подобных перемещений тучен и нездоров.

Самому Генриху в этот момент стало совсем плохо. Он вытер рот и махнул платком в сторону герцога:

– Идите же! – приказал он. – Кромвеля казнить за измену королю без суда. А я и правда женюсь на Кейт. Подготовьте все необходимое для казни и для свадьбы. Ступайте, ступайте. Вы и так отняли у меня слишком много времени.

Дверь за герцогом закрылась. Никто больше не мешал королю есть. Он представил себе юную невесту и велел привести ее к нему. Кейт всегда умела улучшить настроение Генриху. Вот уж воистину радостное и живое существо.

Когда она вошла в комнату, король не заметил и тени отращения на ее лице. Все-таки когда ты готовишься вот-вот стать королевой, пусть даже пятой по счету, надо держать себя в руках. Старого, толстого, неповоротливого мужа с гноящейся ногой и похотливым взглядом вполне можно терпеть, если твоя цель ни много, ни мало – корона на голове. Насколько голова глупенькая – неважно, главное, чтоб по эшафоту не покатилась.

Ей было почти семь, и свадьбу Елизавета помнила хорошо. Никакого великолепного зрелища, никаких балов и больших празднеств. Позже, правда, отец регулярно устраивал для молодой жены праздники, и даже сам пытался с ней танцевать. Но нога болела, а большой вес не позволял много двигаться. Кейт всегда была в хорошем настроении и постоянно улыбалась. Отец заваливал ее подарками. Восторгам не

было предела: меха, драгоценности и даже замки сыпались на Кейт в изобилии.

Бэт относилась к ней хорошо. Один был недостаток у ма-чехи – уж больно она была глупа. Все образование Кейт сво-дилось к тому, что в доме тетки она отлично научилась флир-товать с мужчинами. Эта наука Елизавету пока не интере-совала, а больше с Кейт и говорить-то было не о чем. Они, тем не менее, сдружились. Бэт искренне полюбила Кейт, по-тому что других подруг у нее не существовало, а со старшей сестрой отношения никак не складывались. Мария постоян-но Елизавету обижала и категорически отказывалась вести себя как-то иначе. Да и виделись они редко: Мария жила в замке вдали от Лондона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.